

ДЕСЯТЬ ДНЕЙ В ОТКРЫТОМ МОРЕ БЕЗ ЕДЫ И ВОДЫ

Пер. Т.Шиловой

СОДЕРЖАНИЕ

- О МОИХ ТОВАРИЩАХ, ПОГИБШИХ В МОРЕ
- ГОСТИ СМЕРТИ
- МОИ ПОСЛЕДНИЕ МГНОВЕНИЯ НА БОРТУ «ЗВЕРЯ, А НЕ КОРАБЛЯ»
- СВИСТОПЛЯСКА НАЧИНАЕТСЯ
- МИНУТА БЕЗМОЛВИЯ
- У МЕНЯ НА ГЛАЗАХ ТОНУТ ЧЕТВЕРО МОИХ ТОВАРИЩЕЙ
- ВСЕГО ТРИ МЕТРА!
- ОДИН!
- МОЯ ПЕРВАЯ ОДИНОКАЯ НОЧЬ В КАРИБСКОМ МОРЕ
- БЕСКРАЙНЯЯ НОЧЬ
- СВЕТ НАШ НАСУЩНЫЙ
- ЧЕРНОЕ ПЯТНЫШКО НА ГОРИЗОНТЕ
- У МЕНЯ ПОЯВЛЯЕТСЯ ТОВАРИЩ
- МЕНЯ УВИДЕЛИ!
- АКУЛЫ ПРИПЛЫВАЮТ РОВНО В ПЯТЬ
- ТОВАРИЩ НА ПЛОТУ
- СПАСАТЕЛЬНОЕ СУДНО И ОСТРОВ ЛЮДОЕДОВ
- СЕМЬ ЧАЕК
- ГОЛОД НЕ ТЕТКА
- Я БЫЛ ПОКОЙНИКОМ
- КАКИЕ НА ВКУС БОТИНКИ?
- Я ВОЮЮ С АКУЛАМИ ИЗ-ЗА РЫБЫ
- ЦВЕТ ВОДЫ НАЧИНАЕТ МЕНЯТЬСЯ
- НАДЕЖДЫ УТРАЧЕНЫ... ДО СВИДАНИЯ В ЛУЧШЕМ МИРЕ!
- Я ХОЧУ УМЕРЕТЬ
- ТАИНСТВЕННЫЙ КОРЕНЬ
- НА ДЕСЯТЫЙ ДЕНЬ ЕЩЕ ОДНА ГАЛЛЮЦИНАЦИЯ - ЗЕМЛЯ
- ЗЕМЛЯ!
- НО... ГДЕ ЗЕМЛЯ?
- Я ВОСКРЕСАЮ В НЕВЕДОМЫХ КРАЯХ
- СЛЕДЫ ЧЕЛОВЕКА
- МУЖЧИНА, ОСЕЛ И СОБАКА
- ШЕСТЬСОТ МУЖЧИН ПРОВОЖАЮТ МЕНЯ В САН-ХУАН
- МОЙ ГЕРОИЗМ ПРОЯВИЛСЯ В ТОМ, ЧТО Я НЕ УМЕР
- ИСТОРИЯ ОДНОГО РЕПОРТАЖА
- ДОХОДНАЯ ИСТОРИЯ
- **О МОИХ ТОВАРИЩАХ, ПОГИБШИХ В МОРЕ**
- 22 февраля нам объявили, что мы возвращаемся в Колумбию. Мы уже восемь месяцев торчали в порту Мобил, в штате Алабама, где ремонтировалось электронное оборудование и обновлялось вооружение нашего эсминца «Кальдас». Пока корабль чинили, члены экипажа проходили специальную подготовку. В свободные дни мы занимались тем, чем обычно занимаются на суше моряки: ходили с девушками в кино, а потом собирались в портовом кабачке «Джо Палука», пили виски и периодически устраивали потасовки.
- Мою девушку звали Мэри Эдресс, меня познакомила с ней через два месяца после нашего прибытия в Мобил подруга другого моряка. Хотя испанский давался Мэри легко, она, по-моему, так и не уразумела, почему мои приятели называли ее «Мария Дирексьон», то есть «адрес». Всякий раз, когда мне давали увольнительную, я приглашал ее в кино, хотя она больше любила мороженое. Мы объяснялись на ломаном английском и исковерканном испанском, но всегда друг друга понимали: и в кинотеатре, и в кафе.
- Только однажды я пошел в кино без Мэри — в тот вечер, когда мы смотрели «Мятеж на „Каине“». Моим товарищам кто-то сказал, что это отличный фильм о жизни моряков на тралере. Поэтому мы решили сделать просмотр. Но больше всего нам понравился не тралер, а шторм. Мы пришли к единодушному выводу, что в такую бурю следует менять курс корабля, как и поступили мятежники. Когда мы, потрясенные фильмом, возвращались на судно, матрос Диего Ве-ласкес сказал, имея в виду предстоящее плавание:
- — А что, если и мы окажемся в такой переделке?
- Признаюсь, я тоже был потрясен. За восемь месяцев, проведенных на суше, я отвык от моря. Бояться я не боялся, потому что инструктор научил нас, как надо себя вести во время кораблекрушения. И все же в тот вечер, когда мы смотрели «Мятеж на „Каине“», меня охватило странное беспокойство.
- Я не хочу сказать, что уже с того момента предчувствовал катастрофу. Но если честно, то я впервые так сильно тревожился перед выходом в море. Ребенком я любил разглядывать картинки в книжках, но мне ни разу не пришло в голову, что в море можно погибнуть. Наоборот, я испытывал к нему огромное доверие. И, став моряком, никогда не волновался во время плавания.
- Но не стыжусь признаться, что после «Мятежа на „Каине“» мной овладело чувство, весьма похожее на страх. Лежа на самой верхней койке, я думал о моих родных и о том, как мы поплывем в Картахену. Я не мог заснуть и, подложив руки под голову, прислушивался к тихому плеску воды о мол и к мерному дыханию сорока матросов, спавших в одном помещении. Расположившийся на нижней койке, прямо подо мной, Луис Ренхифо храпел, как тромбон. Понятия не имею, какие он видел сны, но наверняка бедняга спал бы не так сладко, если бы знал, что через восемь дней будет покоиться на дне морском.
- Я не находил себе места целую неделю. День отплытия приближался с угрожающей быстротой, и я пытался обрести поддержку в разговорах с товарищами. Эсmineц «Кальдас» был готов к отплытию. В эти дни мы все чаще говорили о наших родных, о Колумбии и о том, что будем

делать после возвращения. Мало-помалу мы нагружали корабль подарками для близких: радиоприемниками, холодильниками, стиральными машинами и, главное, электроплитами. Я вез домой радиоприемник.

- Перед отплытием, так и не сумев побороть тревогу, я дал себе слово уйти из флота сразу же, едва вернусь в Картахену. Хватит с меня опасных морских путешествий! Вечером, накануне отплытия, я пошел попрощаться с Мэри, собираясь рассказать ей о моих страхах и принятом решении. Но не рассказал, потому что обещал вернуться, а если бы она узнала, что я решил расстаться с морем, она бы мне не поверила. Единственный, с кем я поделился своими мыслями, был мой близкий друг, старший матрос Район Эррера, который признался в ответ, что и он намерен по прибытии в Картахену бросить морскую службу. Делясь друг с другом опасениями, мы с Рамоном Эррерой и Диего Веласкесом отправились в кабак «Джо Пелука» пропустить на прощанье по рюмке виски.
- Однако вместо рюмки уговорили пять бутылок. Наши подружки, с которыми мы проводили почти каждый вечер, знали, что мы уезжаем, и пришли с нами попрощаться, залить свое горе вином и в благодарность за все хорошее дружно оплакать наш отъезд. Руководитель оркестра, серьезный мужчина в очках, делавших его совершенно непохожим на музыканта, велел своим подопечным исполнить в нашу честь множество танго и мамбо (отчего-то он считал это истинно колумбийской музыкой). Наши девушки плакали и пили виски по полтора доллара за бутылку.
- В последние недели нам трижды выдавали жалованье, и мы решили хорошенько кутнуть. Я хотел выпить, потому что на душе кошки скребли, а Рамон Эррера потому, что ему, как всегда, было весело. Вдобавок он родился в Архоне, умел играть на барабанах и на удивление виртуозно подражал всем модным певцам.
- Мы уже собирались отчаливать, как вдруг к нашему столику подошел какой-то американский моряк и попросил у Рамона Эрреры разрешения пригласить на танец его девушку, блондинку гренадерского роста, которая меньше всех пила и больше всех рыдала — причём искренне! Американец обратился к Району по-английски, а тот, грубо его отпихнув, рявкнул по-испански: — Ни черта не понимаю!
- Драка, которая затем последовала, была любо-дорого посмотреть: со стульями, которые ломались о головы противников, и с вызовом по рации полицейских. Район Эррера, умудрившийся отвесить америкашке две смачных оплеухи, вернулся на корабль в час ночи, горланя песни голосом Даниэля Сантоса, и заявил, что это будет его последнее плавание. Так оно и вышло.
- В три часа ночи 24 февраля эсминец покинул Мобил и взял курс на Картахену. Мы все были счастливы вернуться домой. Все везли подарки. Старшина Мигель Ортега казался самым веселым. По-моему, рассудительней моряка, чем Мигель Ортега, не было на всем белом свете. За восемь месяцев, что мы проторчали в Мобиле, он не прокутил ни доллара. Все полученные деньги Мигель потратил на подарки жене, ждавшей его в Картахене. Ночью, когда мы отплывали, он стоял на палубе и рассказывал нам о своей жене и детях, что, впрочем, было вполне естественно, так как ни о чем другом он вообще никогда не говорил, Мигель вез домой холодильник, стиральную машину-автомат и в придачу к ним радиоприемник и электроплиту. Спустя двенадцать часов Мигелю Ортеге суждено было пластом лежать на койке, страдая от качки. А через семьдесят два — покоиться на дне морском.

ГОСТИ СМЕРТИ

- Когда судно снимается с якоря, отдается приказ: «Все по местам!» И каждый остается на своем месте, пока корабль не покинет порт. Я молча стоял там, где мне полагалось: возле торпедных аппаратов, и глядел на меркнувшие в тумане огни Мобила. Но думал не о Мэри, а о море. Я знал, что завтра мы будем в Мексиканском заливе и что в это время года там плавать опасно. Капитана-лейтенанта Хайме Мартинеса Диего, который оказался единственным офицером, погибшим при катастрофе, я не видел до самого рассвета. Он был высоким, крепким, молчаливым мужчиной, которого я вообще видел считанное число раз. Родом он был из Толимы, очень славный человек.
- Зато в то утро мне попался на глаза первый унтер-офицер и второй боцман Амадор Карабальо, рослый, статный... Он прошел мимо меня, поглядел на последние огоньки Мобила и отправился на свое место. Насколько я помню, больше мы с ним на корабле не встречались.
- Никто из членов экипажа «Кальдаса» не выражал своей радости по поводу возвращения столь бурно, как старший механик унтер-офицер Элиас Сабогалья. Это был настоящий морской волк: маленький, кражистый, весь продубленный и очень говорливый. Ему скоро исполнилось бы сорок лет, и, наверное, половину из них он проболтал.
- Радовался унтер-офицер Сабогалья неспроста. В Картахене его ждали жена и шестеро детей. Но шестого он еще никогда не видел: малый родился во время нашего пребывания в Мобиле.
- До рассвета все шло гладко. За какой-то час я вновь пообвыкся на корабле. Далекие огни Мобила терялись в дымке, предвещавшей спокойный день, а на востоке всходило солнце. Теперь я чувствовал не тревогу, а усталость. Я не спал всю ночь. И хотел пить. А о виски не желал даже вспоминать.
- В шесть утра мы покинули гавань. После этого прозвучала команда: «Веем отбой. Вахтенные — по местам!» Услышав приказ, я тут же ринулся в каюту. Внизу, под моей койкой, сидел и тер глаза, пытаюсь проснуться, Луис Ренхифо.
- — Где мы сейчас? — спросил он.
- Я сказал, что мы только-только вышли из порта. Потом забрался на койку и попытался заснуть.
- Луис Ренхифо был настоящим моряком. Он родился в Чоко, вдали от моря, но любовь к морю была у Луиса в крови. Когда «Кальдас» встал на ремонт в Мобиле, Луис Ренхифо еще не числился в составе команды. Он проходил в Вашингтоне курс оружейного дела. Луис отличался серьезностью, большим прилежанием и говорил по-английски так же хорошо, как и по-испански.
- 15 марта он получил диплом гражданского инженера. Там же, в Вашингтоне, он женился в 1952 году на доминиканке. Когда «Кальдас» отремонтировали, Луис Ренхифо приехал из Вашингтона в Мобил и устроился на корабль. За несколько дней до отплытия он сказал мне, что, вернувшись домой, первым делом постарается перевезти в Картахену жену.
- Поскольку Луис Ренхифо давно не плавал, я был уверен, что его укачает. В то первое утро, одеваясь, он спросил меня:
- — Ну как? Тебя еще не выворачивает? Я ответил, что нет.
- Тогда Ренхифо заявил:
- — Через пару-тройку часов ты будешь валяться, высунув язык.
- — Не я, а ты, — возразил я. А он парировал:
- — Скорее море вывернет наизнанку, чем меня!
- Лежа на койке и пытаясь вздремнуть, я вновь вспомнил про бурю. И вновь ожили страхи, мучившие меня накануне. Я в тревоге повернулся к уже одетому Луису Ренхифо и предостерег его:
- — Ты, брат, поаккуратней выражайся. А то еще чего доброго сглазишь!

МОИ ПОСЛЕДНИЕ МГНОВЕНИЯ НА БОРТУ «ЗВЕРЯ А НЕ КОРАБЛЯ»

- — Мы уже в заливе, — сказал мне один из товарищей 26 февраля, когда я собирался на завтрак.
- Накануне я немного волновался: какая будет в заливе погода? Но, несмотря на небольшую качку, эсминец шел плавно. Я с радостью подумал, что мои страхи оказались беспочвенными, и вышел на палубу. Берег скрылся из виду. Насколько хватало глаз, виднелись лишь синее небо да зеленое море. Вокруг была тишь да гладь. На полубаке сидел бледный и перекошенный Мигель Ортега, мучившийся морской болезнью. Началось это давно, когда вдали еще маячили огни Мобила. И уже целые сутки старшина Мигель Ортега не мог держаться на ногах, хотя плавать ему было не в новинку.
- Он служил в Корее на фрегате «Адмирал Падилья». Много плавал и привык к морю. И все же, несмотря на штиль в заливе, Мигель не мог самостоятельно заступить на вахту. Казалось, он вот-вот отдаст Богу душу. Его желудок не принимал никакой пищи, и мы, товарищи Мигеля по вахте, усаживали его на корме или на полубаке, где он и сидел все время, пока нам не разрешали переправить беднягу обратно в кубрик. Там он ложился на живот и лежал, повернувшись лицом к проходу между койками, в ожидании очередного приступа рвоты.
- По-моему, именно Рамон Эррера сказал мне 26-го вечером, что в Карибском море нам придется туго. По нашим расчетам, мы должны были выйти из Мексиканского залива после полуночи. Неся вахту у торпедных аппаратов, я радостно предвкушал возвращение в Картахену. Во флоте я увлекся изучением карты звездного неба. А с той ночи, когда «Кальдас» спокойно плыл по Карибскому морю, начал находить в созерцании звезд особое удовольствие. Пожалуй, старый моряк, избородивший все на свете океаны, способен по одной лишь манере движения корабля определить, в каком он сейчас море. Мой опыт, приобретенный в Карибском море, где я получил свое первое морское крещение, подсказал мне, что мы уже там. Я взглянул на часы. Полтретьего ночи. Два часа тридцать одна минута, 27 февраля... Даже если бы корабль не так сильно качало, я бы все равно догадался, что мы в Карибском море. А корабль качало. И мне, никогда не страдавшему от

качки, вдруг стало нехорошо. Меня кольнуло странное предчувствие. И сам не знаю почему, я вдруг вспомнил про старшину Мигеля Ортегу, который лежал в трюме, заходясь в приступах рвоты.

- В шесть утра эсминец уже болтало на волнах, как скорлупку. Луис Ренхифо не спал.
- — Ну как, толстяк? Тебя еще не укачало? — спросил он меня.
- Я машинально ответил «нет» и поделился с ним опасениями. Тогда Ренхифо, который, как я уже упоминал, был инженером, всю жизнь прилежно учился и отлично разбирался в морском деле, привел массу доводов, почему с «Кальдасом» в Карибском море не может случиться ничего плохого.
- — Это же зверь, а не корабль! — изрек он.
- И напомнил, что во время войны именно в этих водах колумбийский эсминец потопил немецкую подводную лодку.
- — Это надежное судно, — подытожил Луис Ренхифо.
- Лежа без сна, не в силах отрешиться от качки, я бодрился, вспоминая его слова. Однако ветер задувал слева все сильнее, и я представлял себе «Кальдас» со стороны: какое это утлое суденышко с грозным, вздыбленным морем. В ту минуту в памяти внезапно снова всплыл «Мятеж на „Каине“».
- Но хотя погода в течение дня не улучшилась, плавание проходило нормально. Стоя на вахте, я думал о возвращении в Картахену и строил планы. Буду переписываться с Мэри. Я собирался писать ей два раза в неделю, ведь писать письма никогда не казалось мне тягостной обязанностью. Поступив во флот, я еженедельно писал домой. И друзьям, жившим со мной в районе Олайя, частенько сочинял длинные послания. Так что надо будет написать Мэри, подумал я и подсчитал, сколько времени осталось плыть до Картахены. Оказалось, ровно двадцать четыре часа. Это была моя предпоследняя вахта.
- Рамон Эррера помог мне дотащить до койки старшину Мигеля Ортегу. Ему становилось все хуже и хуже. С самого отплытия из Мобила, то есть уже три дня, у него маковой росинки во рту не было. Он почти не мог говорить и был весь зеленый и перекошенный.
- **СВИСТОПЛЯСКА НАЧИНАЕТСЯ**
- Свистопляска началась в десять ночи. «Кальдас» качало целый день, но это были еще цветочки по сравнению с тем, что началось вечером, когда я, лежа без сна на койке, с ужасом думал о вахтенных на палубе. Я знал, что никто из лежащих рядом со мной не в состоянии сомкнуть глаз. Незадолго до полуночи я спросил у Луиса Ренхифо, моего соседа снизу:
- — Тебя еще не мутит?
- Как я и предполагал, Луис тоже не мог уснуть. Но, несмотря на качку, не потерял чувство юмора. А посему заявил:
- — Сколько раз тебе повторять: скорее море вывернет наизнанку, чем меня!
- Он частенько изрекал эту фразу, но в ту ночь едва успел договорить ее до конца.
- Я уже писал, что волновался. И даже немного побаивался. Но действительно струхнул я в полночь 27 февраля, когда по репродуктору отдал приказ: — Всем встать на левый борт! Мне было прекрасно известно, что означает предобная команда. Это означало, что корабль дал Сильный крен на правый борт и его пытались выровнять под тяжестью наших тел. Впервые за два года моей моряцкой жизни я по-настоящему испугался моря. Там, наверху, на палубе, где тряслись от холода промокшие вахтенные, свистел ветер.
- Услышав команду, я тут же вскочил с постели. Луис Ренхифо встал совершенно невозмутимо и тоже направился к койкам по левому борту, которые были не заняты, поскольку их хозяева несли вахту. Я двинулся за ним, держась за соседние койки, но неожиданно вспомнил о Мигеле Ортеге.
- Он лежал в лежку. Услышав команду, Мигель попытался встать, но в изнеможении рухнул навзничь, прямо-таки загибаясь от морской болезни. Я помог ему подняться и перетащил бедолагу на нужную койку. Он сказал мне безжизненным, тусклым голосом, что ему совсем худо.
- — Мы постараемся освободить тебя от вахты, — пообещал я.
- В четыре часа утра 28 числа, так и не сомкнув глаз, мы, то есть шестеро вахтенных, собрались на корме. Среди прочих был и Рамон Эррера, мой постоянный напарник. Из унтер-офицеров дежурил Гильермо Росо. Мне предстояло нести вахту в последний раз. Через два дня мы прибывали в Картахену. Сдав вахту, я собирался тут же завалиться спать, чтобы вечером как следует поразвлечься, вернувшись на родину после восьмимесячного отсутствия. В полшестого утра я пошел с юнгой осмотреть днище корабля. В семь часов мы сменили товарищей, дав им возможность позавтракать. В восемь они сменили нас. В тот же час я сдал дежурство, которое прошло нормально, хотя ветер крепчал, а волны, вздымавшиеся все выше и выше, разбивались о мостик и заливали палубу.
- Рамон Эррера стоял на корме. Там же, в наушниках, расположился Луис Ренхифо — он был дежурным спасателем. Старшина Мигель Ортега, которого совсем доконала морская болезнь, полулежал посреди палубы, где качка чувствовалась меньше всего. Я перекинулся парой слов со вторым матросом Эдуарде Кастильо, нашим кладовщиком. Жены он не имел, жил в Боготе и держался крайне замкнуто. О чем мы говорили, не помню. Помню лишь, что увидел я его потом уже в море, когда он спустя несколько часов шел ко дну.
- Рамон Эррера собирал листы картона, намереваясь прикрыться ими и попытаться уснуть. При такой качке сидеть в трюме было невозможно. Волны, становившиеся все выше и сильнее, разбивались о палубу. Крепко привязавшись, чтобы нас не смыло волной, мы с Рамоном Эррерой улеглись между холодильниками, стиральными машинами и плитами, хорошо укрепленными на корме. Лежа на спине, я глядел в небо. В таком положении я чувствовал себя спокойней и не сомневался, что всего через пару часов мы очутимся в бухте Картахены. Грозы не была, день выдался совершенно ясный, видимость была полная, а небо голубое и бездонное. Даже сапоги мне уже не жали, потому что, сдав вахту, я их снял и надел ботинки на каучуковой подошве.
- **МИНУТА БЕЗМОЛВИЯ**
- Луис Ренхифо спросил у меня, сколько времени. Было полдвенадцатого. Час назад корабль начал накреняться, прямо-таки ложиться на левый борт. В репродукторах раздавался тот же приказ, что и ночью: «Все на бакборт!» Мы с Рамоном Эррерой не шелохнулись, поскольку именно там и находились.
- Не успел я подумать о старшине Мигеле Ортеге, которого я только что видел на правом борту, — как он вырос передо мной. Шатаясь, старшина перешел на нашу сторону и растянулся на палубе, помирая от морской болезни. В этот момент корабль страшно накренился и ухнул вниз. У меня прервалось дыхание. Гигантская волна обрушилась на нас и окатила с ног до головы. Медленно-медленно, с превеликим трудом эсминец выправился на волнах. Несший вахту Луис Ренхифо был белее полотна. Он нервно произнес:
- — Ну и дела! Еще чего доброго перевернется посудина!
- Я впервые видел, как Луис Ренхифо нервничает: промокший до нитки Район Эррера, который лежал рядом со мной, задумчиво молчал. Воцарилась глубокая тишина. Потом Рамон Эррера сказал:
- — Если велят рубить канаты и сбрасывать груз за борт, я первым кинусь выполнять приказ.
- Было без четверти двенадцать.
- Я тоже думал, что вот-вот раздастся команда перерубать веревки. Как говорится, «сбрасывать балласт». Прозвучи приказ — и радиоприемники, холодильники и плиты тут же отправились бы в воду. Мне пришло на ум, что тогда придется лезть обратно в кубрик, ведь сбросив холодильники и плиты, мы лишимся надежного укрытия. Без них нас смыло бы волной.
- Корабль продолжал бороться с волнами, но с каждым разом накренился все больше. Рамон Эррера раскатал брезент и накрылся им. Новая волна, еще мощней предыдущей, ринулась на нас, но мы уже юркнули под навес. Пережидая очередную волну, я закрыл голову руками. Наконец волна прошла, а еще через полминуты захрипели репродукторы.
- «Сейчас прикажут сбрасывать груз», — решил я.
- Однако команда оказалась иной. Спокойный, уверенный голос произнес:
- — Всем, кто на палубе, надеть спасательные пояса. Луис Ренхифо неторопливо надевал пояс одной рукой, а в другой держал наушники. После удара каждой большой волны я чувствовал справа какую-то страшную пустоту, а потом — бездонную тишину. Я поглядел на Луиса Ренхифо, который, надев спасательный пояс, поправлял наушники. Потом закрыл глаза и отчетливо услышал тиканье своих часов.
- Я слушал его примерно минуту. Рамон Эррера не шевелился. Я прикинул, что сейчас, должно быть, без четверти двенадцать. До Картахены два часа. В следующую секунду корабль словно повис в воздухе. Я высвободил руку, чтобы посмотреть, сколько времени, но не увидел ни

руки, ни часов. Впрочем, волны я тоже не увидел. Я лишь почувствовал, что корабль переворачивается и ящики, за которые я держался, разносятся в разные стороны. В мгновение ока я вскопился на ноги, вода была мне по шею. Я увидел позеленевшего Луиса Ренхифо, который молча, выпучив глаза, пытался выбраться из воды. Наушники он держал в вытянутой руке. Тут волна накрыла меня с головой, и я поплыл вверх.

- Пытаясь вынырнуть, я плыл одну, две, три секунды... Плыл, плыл... Мне не хватало воздуха. Я задышался. Выплыв на поверхность, я увидел одно лишь море. Через мгновение, примерно в ста метрах от меня, из волн вынырнул корабль, с которого, как с подводной лодки, потоками стекала вода. Только тут я наконец сообразил, что меня выбросило за борт.
- **У МЕНЯ НА ГЛАЗАХ ТОНУТ ЧЕТВЕРО МОИХ ТОВАРИЩЕЙ**
- Вначале мне показалось, что я в море совершенно один. Держась на плаву, я увидел, что на эсминце, который находился метрах в двухстах от меня, обрушилась новая волна. Он полетел в пропасть и скрылся из виду. Я решил, что он потонул. И тут же, подтверждая мои мысли, вокруг забултыхались бесчисленные ящики с товарами, которые загрузили на эсминце в Мюбиле, я барахтался среди коробок с одеждой, радиоприемников, холодильников и разной домашней утвари, среди ящиков, которые выныривали то там то сям, гонимые волнами. В тот момент я еще плохо понимал, что происходит. Не успев прийти в себя от потрясения, я схватился за один из ящиков и тупо воззрился на него. День был совершенно безоблачным. Только сильно вздымавшееся под ветром море да качавшиеся на волнах ящики наводили на мысль о катастрофе.
- Внезапно поблизости послышались крики. В резком свисте ветра хорошо различался голос Хулио Амадора Карабальо, высокого, статного второго боцмана, который кричал кому-то:
 - — Хватайте меня, хватайте за пояс!
- И тут я словно очнулся от глубокого, хотя и минутного сна. До меня дошло, что я в море не один. Всего в нескольких метрах от меня перекрикивались мои товарищи. Я лихорадочно стал соображать, как быть. Плыть я куда не мог. Нет, я, конечно, знал, что мы почти в двухстах милях от Картахены, но потерял ориентировку. Страха я, однако, не испытывал. На какой-то миг мне показалось, что, пока нас не спасут, я смогу продержаться на воде, ухватившись за ящики. Меня утешала мысль, что другие находятся в таком же положении, как и я. И вот тут-то я увидел плот.
- Вернее, два одинаковых плота, находившихся метрах в семи друг от друга. Они внезапно вынырнули на гребне волны с той стороны, откуда доносились крики моих товарищей. Мне показалось странным, что никто из моряков не доплыл до них. Вдруг один из плотов исчез. Я не знал, как поступить: то ли поплыть ко второму, то ли не рисковать и по-прежнему цепляться за ящик — мне это казалось надежным способом удержаться на воде. Я еще не успел принять никакого решения, но уже плыл ко второму плоту, который с каждым мигом отнесило все дальше. Плыл примерно три минуты. В какой-то момент я потерял плот из виду, но старался придерживаться взятого направления. И вдруг его прибило прямо ко мне — белый, огромный, пустой плот! Я изо всех сил вцепился в пеньковую сеть и попытался на него забраться. Удалось мне это только с третьего раза. Уже на плоту, задыхаясь, не зная, куда деваться от хлесткого, холодного и безжалостного ветра, я сделал над собой страшное усилие и встал. А встав, увидел неподалеку трех моих товарищей, которые старались доплыть до плота.
- Я их узнал сразу же. Кладовщик Эдуарде Кастильо цепко держал за шею Хулио Амадора Карабальо, на котором был спасательный пояс, потому что в момент катастрофы он нес вахту.
- Хулио Амадор кричал:
 - — Крепче держитесь, Кастильо!
- Они барахтались среди разбросанных товаров метрах в десяти от меня.
- С другой стороны находился Луис Ренхифо. За несколько минут до того я видел его на эсминце, он пытался выбраться из воды, зажав в поднятой правой руке наушники. Не потеряв своей всегдашней выдержки и уверенности, с которой Луис заявлял, что скорее море вывернет наизнанку, чем его, он скинул рубашку, чтобы легче было плыть, но при этом потерял спасательный пояс. Даже не видя его, я все равно узнал бы Луиса по голосу.
 - — Эй, толстяк! Греби сюда! — крикнул он.
- Я поспешно схватился за весла и попробовал подгребсти к товарищам. Хулио Амадор, которого крепко держал за шею Эдуарде Кастильо, приближался к плоту. За ним, далеко позади, показалась маленькая и одинокая фигурка четвертого моряка, Рамона Эрреры, который махал мне рукой, уцепившись за ящик.
- **ВСЕГО ТРИ МЕТРА!**
- Если бы меня заставили выбирать, я не знал бы, к кому из друзей ринуться прежде всего. Однако, увидев Района Эрреру, зачинщика драки в Мобиле, весельчака из Архоны, который лишь несколько минут тому назад лежал рядом со мной на корме, я изо всех сил погреб к нему. Но мой почти двухметровый плот оказался ужасно неповоротливым в разбушевавшемся море. Вдобавок мне пришлось грести против ветра. По-моему, я не смог продвинуться ни на йоту. В отчаянии поглядев по сторонам, я увидел, что Рамона Эрреры на воде уже нет. Только Луис Ренхифо уверенно плыл к плоту. Я не сомневался, что он доберется, ибо помнил его оглушительный храп, похожий на звуки тромбона, и был убежден, что Луисова сила воли сильнее моря.
- Хулио Амадор все возился с Эдуарде Кастильо, не давая ему соскользнуть с шеи. До плота им оставалось меньше трех метров. Я подумал, что, если они подберутся чуть поближе, я смогу протянуть им весло. Но гигантская волна подбросила плот в воздух, и, взлетев на высоченном гребне, я увидел мачту уплывавшего эсминца. Когда же вновь опустился вниз, Хулио Амадор и цеплявшийся за его шею Эдуарде Кастильо исчезли. А Луис Ренхифо по-прежнему спокойно плыл к плоту, до которого ему оставалось всего два метра.
- Не знаю, почему я совершил такую глупость: уверившись в бесплодности попыток продвинуться вперед, воткнул весло в воду, словно стараясь удержать плот на месте, пригвоздить его к воде. Уставший Луис Ренхифо приостановился, поднял руку — как тогда, когда держал наушники, — и опять крикнул:
 - — Гребите сюда, толстяк!
- Ветер не переменялся. Я прокричал в ответ, что не могу грести против ветра, и попросил поднатужиться, сделать последний рывок, но, по моему, он меня не услышал. Ящики с товарами исчезли, плот плясал из стороны в сторону на волнах. В мгновение ока я очутился в пяти с лишним метрах от Луиса Ренхифо. Но он подныривал под волны, чтобы они не относили его далеко от плота. Я стоял, держа наготове весло, и ждал, когда Луис Ренхифо подберется так близко, что сможет до него дотянуться. Но он уже утомился и начал отчаиваться. Потом, уже идя ко дну, Луис снова крикнул:
 - — Толстяк!.. Толстяк!..
- Я заработал веслами, но опять безрезультатно. Сделал последнюю попытку дотянуться до Луиса, но его поднятая рука, которая совсем недавно спасала от воды наушники, теперь сама навечно погрузилась в воду, в каких-нибудь двух метрах от весла.
- Бог весть сколько времени я стоял с поднятым веслом, балансируя на плоту. Стоял и пристально вглядывался в море. Ждал, что вот-вот кто-нибудь из друзей выплывет на поверхность. Но в море было пусто, а крепчавший ветер рвал на мне рубашку, воя, точно собака. Ящики с товарами исчезли. Судя по неуклонно удалявшейся мачте, эсминце не затонул, как мне показалось вначале. На душе полегчало: за мной вот-вот приплывут, подумал я. И решил, что кто-нибудь из моих товарищей, наверное, добрался до второго плота. По идее, им ничто не могло помешать. Эти плоты, как и прочие на нашем эсминце, не были оснащены. Их в общей сложности имелось шесть штук, не считая шлюпок и вельботов. Я не видел ничего удивительного в том, что мои товарищи добрались, подобно мне, до плотов, и думал, что эсминце нас уже разыскивает.
- И тут я вдруг осознал, что в небе светит солнце. Знойное, раскаленное, словно металл, полуденное солнце... Я тупо, еще не до конца придя в себя, взглянул на часы. На них было ровно двенадцать.
- **ОДИН!**
- Когда Луис Ренхифо в последний раз спросил меня на эсминце, сколько времени, было полдвенадцатого. Без четверти я опять поглядел на часы: это произошло еще до катастрофы. Когда же я посмотрел на циферблат на плоту, стрелки показывали ровно двенадцать. Мне казалось, прошла целая вечность, а в действительности прошло всего десять минут с тех пор, как я в последний раз глядел на часы, находясь на борту эсминца, и за это время я успел доплыть до плота, пытался спасти товарищей, а потом стоял, как истукан, вглядываясь в пустое море, вслушиваясь в резкий вой ветра и думая, что мне придется минимум два, а то и три часа ждать, пока меня подберут.
- «Два-три часа», — прикинул я.

- И подумал, что это невероятный срок для человека, который остался в море один. Но я постарался смириться с такой участью. У меня не было ни пищи, ни воды, и я полагал, что к трем часам жажда станет невыносимой. Солнце пекло мне голову, начинало жечь высохшую и задубевшую от соли кожу. Я потерял при падении фуражку и потому прежде всего намочил голову водой, а затем сел на край плота и принялся ждать своих забывателей.
- Только тогда я впервые ощутил боль в правом колене. Мои синие форменные брюки из грубой ткани промокли, так что я с превеликим трудом смог закатать их выше колен. А закатав, содрогнулся: под коленной чашечкой зияла глубокая рана, этаким полумесяцем. То ли я поранился об обшивку корабля, то ли уже в воде порезал ногу... Но, как бы там ни было, боль я ощутил лишь на плоту, и хотя рану немного жгло, она перестала кровоточить и подсохла — наверное, из-за морской соли. Не зная, чем себя занять, я произвел досмотр вещей. Мне хотелось выяснить,
- с чем я остался в открытом море. Оказалось, с часами, которые были идеально точны, меня так и подмывало посмотреть на них каждые две-три минуты. Кроме того, при мне было золотое кольцо, купленное в прошлом году в Картахене, цепочка с образком Девы Марии дель Кармель, приобретенная тоже в Картахене у одного моряка за тридцать пять песо... Из карманов я выудил лишь ключи от моего шкафчика на эсминце и три рекламные открытки, которые мне дали в мобильском магазине одним январским днем, когда мы с Мэри Эдресс пошли за покупками. Делать мне было нечего, и я принялся читать надписи на открытках, пытаясь хоть как-то убить время, пока за мной не пришлют спасателей. Почему-то эти открытки показались мне своего рода шифрованными записями, которые потерпевшие кораблекрушение моряки кладут в бутылки. Наверное, окажись у меня тогда под рукой бутылка, я засунул бы в нее одну из этих открыток, чтобы поиграть в кораблекрушение, а вечером позабавить своим рассказом друзей в Картахене.
- **МОЯ ПЕРВАЯ ОДИНОКАЯ НОЧЬ В КАРИБСКОМ МОРЕ**
- В четыре часа ветер унялся. Я не видел вокруг ничего, кроме моря, и не имел никаких ориентиров, а потому лишь через два с лишним часа понял, что плот движется вперед. На самом же деле, как только я на него взобрался, ветер погнал его по прямой с такой бешеной скоростью, которую я, орудя веслами, никогда не сумел бы развить. И все же я понятия не имел, где я и что со мной происходит. Я не знал, куда несется плот: к берегу или в открытое море. Последнее казалось мне более вероятным, так как я всегда считал, что волны не могут прибить к берегу предмет, находящийся в двухстах милях от суши, и уж тем более такую громоздкую конструкцию, как плот с человеком.
- Первые два часа я мысленно прослеживал, путь эсминца. Я подумал, что если с корабля телеграфировали в Картахену, точно указав место катастрофы, то самолеты и вертолеты тут же отправятся к нам на выручку, и прикинул, что не пройдет и часа, как они прилетят сюда, начнут кружить у меня над головой.
- В час дня я сел на плоту и принялся вглядываться в даль. Взял все три весла и положил их на дно плота, чтобы, как только появятся самолеты, грести в их сторону. Минуты тянулись томительно долго. Солнце жгло мне лицо и спину, а губы горели, потрескавшись от соли. Однако я не ощущал ни голода, ни жажды. Мне нужно было одно — увидеть самолеты. Я разработал план: увидев их, я погребу по направлению к ним, а когда они окажутся надо мной, встану во весь рост и буду размахивать рубашкой. Я решил подготовиться, дабы не терять ни минуты, а потому расстегнул рубашку и, сидя на плоту, всматривался в даль, озираясь по сторонам, — я ведь понятия не имел, откуда появятся спасатели.
- Так я просидел до двух часов. Ватер по-прежнему завывал, и в его вое мне слышался голос Луиса Ренхифо:
- — Гроби сюда, толстяк!
- Я слышал его совершенно отчетливо, словно Луис был рядом, в двух метрах от плота, и пытался ухватиться за весло. Но знал, что, когда в море воеет ветер и волны бьются о подводные скалы, человеку чудятся знакомые голоса. Они звучат не умолкая, доводя до безумия:
- — Эй, толстяк! Гроби сюда!
- В три часа мною начало овладевать отчаяние. Эсминец наверняка уже пришвартовался в Картахене. Через несколько минут мои товарищи радостно разойдутся кто куда. У меня возникло чувство, что все они сейчас думают обо мне, и, ободренный этой мыслью, я решил набраться терпения и прождать до четырех часов. Пусть даже никакой телеграммы не было, пусть даже на корабле не поняли, что мы свалились в воду, все равно это вскроется, когда вся команда выстроится на палубе в момент швартовки/Значит, о происшествии узнают самое позднее в три часа и тут же сообщат спасателям. Какими бы долгими ни были сборы, самолеты от силы через тридцать минут вылетят на место катастрофы. Так что в четыре, максимум в полпятого, они появятся тут. Я не отрывал глаз от горизонта, пока ветер не стих, сменившись глухим, безбрежным рокотом моря. Только тогда в ушах у меня смолкли крики Луиса Ренхифо.
- **БЕСКРАЙНЯЯ НОЧЬ**
- Вначале мне показалось, что провести в одиночестве три часа на плоту невозможно. Однако в пять, когда прошло уже пять часов, я подумал, что еще часок, пожалуй, продержусь. Солнце садилось. На закате оно стало большим и красным, и только тогда я начал как-то ориентироваться. Теперь я знал, откуда появятся самолеты: я повернулся к солнцу левым боком и усталым прямо перед собой, не шевелясь, не отводя взгляда ни на мгновение и даже боясь моргнуть. Я смотрел туда, где, по моим расчетам, находилась Картахена. В шесть у меня заболели глаза. Но я все равно смотрел. Даже после наступления сумерек смотрел терпеливо, упорно, наперекор всему. Я понимал, что самих самолетов мне уже не различить, я увижу лишь летящие по небу зеленые и красные огоньки и услышу шум моторов. Я мечтал увидеть эти огни, не задумываясь о том, что в темноте меня с самолетов не заметят. Неожиданно небо зарделось, а я по-прежнему всматривался в даль. Потом оно стало темно-фиолетовым, а я все не отрывал глаз от горизонта. Сбоку, над плотом, подобно желтому бриллианту на темном, точно красное вино, на небе загорелась первая звезда, яркая и квадратная. Это послужило своеобразным сигналом. В следующий миг на море упала тяжелая, плотная завеса ночи.
- Погрузившись во тьму, в которой не видно было ни зги, я сначала не мог побороть страх. Судя по плеску воды о борт, плот медленно, но неуклонно продвигался вперед. Теперь, когда море окутал мрак, я осознал, что днем мне было не так уж и одиноко. Гораздо хуже оказалось сидеть в потемках на плоту, которого я не видел, а лишь чувствовал у себя под ногами и который бесшумно скользил по черному-пречерному морю, населенному неведомыми существами. Чтобы скрасить одиночество, я принялся смотреть на квадратный циферблат часов. Было без десяти семь. Не скоро, ох как не скоро — часа через два, а то и через три — стало без пяти семь. Когда минутная стрелка подползла к двенадцати, часы показали ровно семь, и небо усеяли мириады звезд. Но у меня было ощущение, будто прошла целая вечность и вот-вот начнет светать. Я по-прежнему упорно ждал самолетов.
- Стало зябко. На плоту нельзя не промокнуть. Даже если сесть на борт, ноги все равно окажутся в воде, потому что сетчатое днище провисает под водой, словно корзина, на полметра с лишним. В восемь вечера в воде было теплее, чем на воздухе. Я знал, что на дне плота мне не страшны морские животные, потому что сеть, прикрепленная внизу, не дает им возможность проникнуть внутрь. Но одно дело учить и верить тому, что учишь в школе, когда инструктор демонстрирует тебе устройство плота на маленьком макете и ты сидишь на скамье, а рядом сидят еще сорок твоих товарищей, и все это происходит в два часа дня. А когда ты в восемь вечера в море один и надеяться тебе не на что, ты начинаешь думать, что слова инструктора — полная бессмыслица. Главное, что полтела было у меня в воде, в мире, где хозяйничают не люди, а морские гады, и, хотя ледяной ветер рвал на мне рубашку, я не отваживался слезть с борта. По словам инструктора, это самое опасное место на плоту. И все же только там я чувствовал себя вдали от морских существ, огромных, неведомых тварей, которые, судя по раздававшимся звукам, таинственно проплывали мимо плота.
- Этой ночью я с трудом различил в запутанной, бескрайней паутине звезд Малую Медведицу. Никогда я не видел столь звездного неба. На нем почти не было свободного места. А распознав Малую Медведицу, я уже боялся оторвать от нее взгляд. Бог весть почему, но с ней я не чувствовал себя таким одиноким. В Картахене, когда нам давали увольнительную, мы встречали рассвет на мосту Манга: Рамон Эррера пел, подражая Даниэлю Сантосу, а кто-нибудь аккомпанировал ему на гитаре. Сидя на каменном парапете, я всегда видел Малую Медведицу над склоном горы Серро-де-ла-Попа. Этой ночью на плоту я вдруг на мгновение перенесся на мост Манга, и мне показалось, что рядом поет под гитару Рамон Эррера, а Малая Медведица сияет не в открытом море, за двести миль от суши, а над Серро-де-ла-Попа. Я думал, что, наверное, сейчас кто-то смотрит на Малую Медведицу в Картахене, и мне становилось не так одиноко.
- Моя первая ночь в море длилась особенно долго из-за полного отсутствия событий. Невозможно описать ночь на плоту, когда ничего не происходит и ты безумно боишься морских существ, а на руке у тебя фосфоресцирующие часы, которые поминутно притягивают твой взгляд. 28 февраля, в ночь, положившую начало моим скитаниям по морю, я смотрел на часы каждую минуту. Это было сущей пыткой. В отчаянии я решил их снять и сунуть в карман, чтобы не зависеть от времени. Когда я больше не смог бороться с собой и снова достал их, стрелки показывали без двадцати девять. Есть и пить еще не хотелось. Я не сомневался, что продержусь до завтра, пока не прилетят самолеты. Но боялся, что часы сведут меня с ума. В тоске я снял их с запястья, собираясь опять положить в карман... потом подумал, что лучше бросить их в море... Меня охватили сомнения. Как поступить? Но затем стало страшно, ведь без часов я буду один как перст. Я вновь нацепил их на руку и продолжал то и дело поглядывать на циферблат так же упорно, как днем глядел на горизонт в ожидании самолетов, пока не заболели глаза.

- После полуночи мне захотелось заплакать. Я ни на миг не сомкнул глаз, даже не пытаюсь заснуть. С той же надеждой, с какой я ждал появления самолетов, теперь, на рассвете, я пытаюсь различить огни кораблей.
- Битый час я пожирал глазами море, спокойное, бескрайнее, молчаливое... Но никаких огней, кроме, так сказать, «небесных лампад», не увидел. На рассвете совсем похолодало, и мне мерещилось, будто тело мое излучает сияние, поскольку накопившаяся во мне за день солнечная энергия вырывается наружу. На холоде обожженная кожа горела еще яростней. После полуночи у меня опять заболело правое колено, и я физически ощущал, что промок до костей. Но все эти ощущения были притупленными. Я думал не столько о себе, сколько о кораблях. А еще думал, что, стоит мне в этом безбрежном царстве одиночества, в этом глухо рокочущем море увидеть хоть один огонек корабля, я издам вопль, который будет слышен за тридевять земель.
- **СВЕТ НАШ НАСУЩНЫЙ**
- Рассвело гораздо быстрее, чем бывает на суше. Небо побледнело, звезды понемногу исчезали, а я все переводил глаза с часов на горизонт. Обрисовались контуры моря. Прошло двенадцать часов, но мне не верилось. Не верилось, что ночь равна дню. Проведите ночь в море, сидя на плоту и поминутно глядя на часы, и вы поймете, что ночь неизмеримо длиннее дня. А когда наконец начнет светать, вы будете настолько измотаны, что даже не заметите рассвета.
- Именно это произошло со мной в первую ночь на плоту. Когда забрезжил рассвет, мне уже на все было наплевать. Я не думал ни о воде, ни о пище. Не думал ни о чем, пока ветер не потеплел, а море не стало шелковым и золотистым. За всю ночь я ни на миг не сомкнул глаз, но тут как бы внезапно проснулся. Когда я лег, растянувшись на плоту, кости у меня ломило. Кожа горела. Но день был теплый и ясный, и на ярком свету, под шелест поднимавшегося ветра, я ощутил прилив новых сил. Я снова мог ждать. И у меня возникло чувство, что я совсем не одинок. Впервые за двадцать лет моей жизни я был совершенно счастлив.
- Плот, как и прежде, плыл куда-то вперед. Впрочем, я не мог определить, насколько он продвинулся за ночь, ведь панорама вокруг не менялась, словно плот болтался на одном месте. В семь утра я вспомнил про эсминец. Там в это время завтракали. Я представлял, как мои товарищи сидят за столом и едят яблоки. Потом им подадут яйца. Потом мясо. Потом хлеб и кофе с молоком. У меня потекли слюнки, живот подвело. Чтобы отогнать мысли о еде, я по шею залез в воду на дне плота. Она холодила обожженную солнцем спину, и я ощутил прилив сил и бодрости. Я сидел в воде долго и все спрашивал себя, зачем, вместо того чтобы лежать на койке, я потащился на корму с Районом Эррерой? Подробно воссоздав в памяти трагедию минувшей ночи, я пришел к выводу, что вел себя как последний остолоп. Я стал жертвой катастрофы чисто случайно, ведь я не нес вахту и не обязан был торчать на палубе. Я подумал, что мне крупно не повезло, и опять почувствовал легкий укол тоски. Но, взглянув на часы, успокоился. День несся быстро: уже было полдвенадцатого.
- **ЧЕРНОЕ ПЯТНЫШКО НА ГОРИЗОНТЕ**
- Дело шло к полудню, в связи с чем мне снова вспомнилась Картахена. Не может быть, чтобы на корабле не заметили моего исчезновения! В какой-то момент я даже пожалел, что залез на плот: я вообразил, что моих товарищей давно спасли и только меня не смогли найти, поскольку ветер отнес плот в сторону. Я даже посетовал на судьбу за этот плот!
- Но не успел я как следует обмозговать последнюю мысль, как на горизонте мне померещилось черное пятнышко. Впившись в него глазами, я сел на плоту. Было без десяти двенадцать. Я так пристально смотрел на небо, что перед глазами у меня заплескали десятки радужных пятен. Однако то, черное, по-прежнему несло вперед, прямо к плоту. Через две минуты я уже прекрасно различал его очертания. Летя по лучезарному голубому небу, оно бросало на небо ослепительные металлические отсветы. Мало-помалу оно выделилось среди радужных пятен. У меня болели шея и глаза, я не мог больше смотреть на сверкающее небо. Но все-таки смотрел: пятнышко было ярким, быстрым и несло прямо к плоту. Счастья я в тот момент не испытывал. И никаких других бурных эмоций тоже. Стоя на плоту и глядя на приближавшийся самолет, я рассуждал вполне здраво и был необычайно хладнокровен. Спокойно снял рубашку, будучи уверен, что знаю, в какой момент надо подать летчику знак. Я простоял одну, две, три минуты, держа рубашку в руке и ожидая, когда самолет подлетит поближе. Он держал курс прямо на плот. Я поднял руку и замахал рубашкой, отчетливо слыша гул моторов. Гул нарастал, вибрировал и заглушал рокот волн.
- **У МЕНЯ ПЯВЛЯЕТСЯ ТОВАРИЩ**
- Я отчаянно махал рубашкой минут пять, не меньше. Но вскоре понял, что ошибся: самолет летел вовсе не к плоту. Когда я увидел растущую черную точку, мне показалось, что она пролетит у меня над головой. Но она
- пролетела очень далеко и так высоко, что заметить меня с самолета не представлялось возможным. Потом самолет описал широкий круг, развернулся и полетел обратно. Стоя под палящим солнцем, я глядел на черную точку, глядел бездумно, пока она полностью не слилась с горизонтом. Тогда я опять сел на борт. Я чувствовал себя несчастным, но еще не утратил надежды и начал обдумывать, как мне спастись от солнца. Первым делом надо было оградить от солнечных лучей спину. Время подошло к полудню. Я провел на плоту ровно сутки. Я лег навзничь на край плота и положил на лицо мокрую рубашку. Зная, как опасно задремать на борту плота, я старался не заснуть и, чтобы отвлечься, стал думать о самолете: может, он вовсе и не разыскивал меня? Я ведь не смог определить, что это за самолет.
- Лежа на борту плота, я впервые испытал муки жажды. Рот мой переполнился густой слюной, а в горле пересохло. Меня так и подмывало напиться морской воды, но я знал, что будет еще хуже. Потом, попозже, можно будет выпить, но капельку. Внезапно я забыл о жажде. Прямо над головой раздался рокот второго самолета, перекрывавший рокот волн.
- Я заволновался и привстал. Самолет приближался оттуда же, откуда прилетел первый, но теперь действительно направлялся прямо к плоту; когда он пронесся надо мной, я замахал рубашкой, но он летел слишком высоко. Промчавшись мимо, самолет скрылся вдали. Затем вернулся, но его силуэт возник лишь на горизонте — самолет улетал обратно.
- — Меня ищут, — сказал я себе и выжидательно застыл на борту, держа рубашку наготове.
- Кое-что начало проясняться: самолеты появлялись и исчезали в одной и той же стороне. Следовательно, земля там. Теперь я знал, куда надо держать курс. Но как приблизиться к земле? Даже если за ночь плот сильно продвинулся, все равно до суши еще плыть и плыть... Я знал, в каком направлении ее искать, но понятия не имел, как долго придется грести, изнемогая под палящими лучами солнца и ругаясь голодными, спазмами. А главное, умирая от жажды! Мне становилось все труднее дышать.»
- В двенадцать часов тридцать пять минут в небе появился огромный черный гидросамолет и, рыча, пронесся у меня над головой, Сердце мое чуть не выпрыгнуло наружу. Все было видно как на ладони. Солнце светило ярко, так что я отчетливо различал голову человека, высунувшегося из кабины и пристально глядевшего на море в черной бинокль. Он пролетел так низко, так близко от меня, что плот обдало дыханием моторов. Я опознал самолет по знакам на крыльях: он принадлежал береговой охране зоны Панамского канала.
- Когда он, сотрясаясь, направился в глубь Карибского моря, я был абсолютно уверен, что человек с биноклем меня заметил.
- — Меня нашли! — ошалев от радости, воскликнул я, все еще размахивая рубашкой.
- И в восторге запрыгал, заскакал по плоту...
- **МЕНЯ УВИДЕЛИ!**
- Не прошло и пяти минут, как черный гидросамолет вернулся и пролетел в противоположном направлении на той же высоте. Он летел, накренившись влево, и сбóку в иллюминаторе я вновь отчетливо различил человека, который рассматривал море в бинокль. Я снова замахал рубашкой. Теперь я махал не суматошно, как плавно, словно молил не о помощи, а прочувствованно и благодарно приветствовал моих избавителей.
- Гидросамолет несся вперед, и мне казалось, что он постепенно сбавляет высоту. В какой-то момент он двигался по прямой, почти над поверхностью воды. Я подумал, что он приводняется, и приготовился грести к нему, но через мгновение гидросамолет вновь взмыл высь, развернулся и в третий раз пролетел над моей макушкой. Теперь уж я не стал отчаянно размахивать рубашкой, а подождал, пока самолет окажется непосредственно над плотом, и тогда подал короткий сигнал, после чего ждал, что самолет пролетит снова, постепенно снижаясь. Но произошло прямо противоположное: гидросамолет стремительно набрал высоту и исчез там, откуда появился. Однако повода для тревоги, по-моему, не было. Меня наверняка увидели. Не может быть, чтобы летчик меня не заметил, ведь он летел так низко и, летное, над самым плотом! Спокойный, беззаботный и счастливый, я сел и принялся ждать.
- В таком состоянии я прождал целый час. Мне удалось сделать очень важный вывод: первые два самолета прилетели несомненно из Картахены. Черный же скрылся в направлении Панамы. Я рассчитал, что, гребя по прямой и чуть отклоняясь по ветру, я смогу выбраться на сушу где-то в районе курорта Толу, ибо он находился примерно посередине между двумя отправными точками самолетов.
- По моим расчетам, меня должны были спасти через час. Однако час прошел, а в синем, чистом и абсолютно безмятежном море все оставалось по-старому. Миновало еще два часа. И еще час, и еще, и за все время я ни разу не сдвинулся с борта. Я сидел напрягшись и не мигая взглядывая в даль. В пять солнце начало закатываться. Я еще не потерял надежды, но забеспокоился. Я был уверен, что с черного самолета меня заметили, но не мог понять, почему прошло столько времени, а никто не прилетел ко мне на помощь. В горле пересохло.

Дышать становилось все труднее. Я отрешенно всматривался в даль, но вдруг неожиданно для себя самого подпрыгнул и упал на дно плота. Медленно, словно подстерегая жертву, мимо борта проскользнул плавник акулы.

● **АКУЛЫ ПРИПЛЫВАЮТ РОВНО В ПЯТЬ**

- Это было первое живое существо, которое я увидел во время моего пребывания на плоту почти за тридцать часов. Плавник акулы внушает ужас, потому что нам известна кровожадность этой твари. Однако на вид плавник совершенно безобиден. Он вообще не ассоциируется с образом животного и тем более хищника. Акулий плавник зеленый и шероховатый, точно древесная кора. Когда я увидел, как он рассекает воду возле плота, у меня возникло ощущение, что на вкус он прохладный и горьковатый, словно древесный сок. Уже пробило пять. На закате море было спокойным. К плоту неторопливо подплыло еще несколько акул: они шныряли взад и вперед до наступления полной темноты. Когда же свет померк, эти твари, как мне казалось, и в темноте сновали вокруг плота, рассекая спокойную гладь воды лезвиями плавников.
- С того дня я остерегался садиться на край плота после пяти. На следующий день, и еще через день, и еще, и еще я убеждался в акульей пунктуальности: они приплывали ровно в пять, а с наступлением темноты пропадали.
- На закате чистое море представляет собой восхитительное зрелище. К плоту подплывали рыбы всех цветов радуги. Громадные желто-зеленые рыбины, полосатые, круглые и крошечные красно-синие рыбешки плыли за плотом до самых сумерек. Время от времени мелькала стальная молния, через борт перелетала струя окровавленной воды, и на поверхности возле плота на мгновение появлялись куски рыбы, растерзанной акулами. Бесчисленное множество мелких рыбешек тут же набрасывались на ее останки. В этот момент я продал бы душу дьяволу даже за самый крохотный кусочек с пиршественного стола акул.
- Шла моя вторая ночь в море. Ночь голода, жажды и одиночества. Я уже перестал надеяться на самолеты и чувствовал себя всеми покинутым. В ту ночь я впервые осознал, что надеяться надо только на свою волю и оставшиеся силы.
- Одно было удивительно: я ослабел, но не обессилел. Я провел почти сорок часов без воды и пищи и не спал двое суток, поскольку всю ночь перед катастрофой не сомкнул глаз. Но тем не менее вполне мог грести.
- Я вновь разыскал на небе Малую Медведицу. Впилился в нее глазами и взмахнул веслами. Ветер, однако, дул в другом направлении, не в том, в котором требовалось, ведь мне нужно было держать курс прямо на Малую Медведицу. Я закрепил на борту два весла и в десять начал грести. Сперва судорожно махал веслами. Потом стал грести размеренней, пристально глядя на Малую Медведицу, которая, по моим расчетам, светила прямо над горой Серро-де-ла-Попа.
- По плеску воды я понимал, что продвигаюсь вперед. Когда уставал, откладывал весла и опускал голову, чтобы передохнуть. Потом хватался за них с новыми силами и возродившейся надеждой. В двенадцать часов ночи я все еще орудовал веслами.

● **ТОВАРИЩ НА ПЛОТУ**

- Около двух я окончательно выдохся, скрестил русла и попытался уснуть. Жажда усилилась. Голод меня не мучил, а жажда терзала страшно. Я настолько устал, что положил голову на весло и задремал. Но вдруг увидел сидевшего на палубе эсминца Хайме Манхарреса, который указывал пальцем в сторону порта. Боготинец Хайме Манхаррес — один из моих самых старых флотских друзей. Я часто думал о товарищах, которые пытались достичь плота. Мне хотелось узнать, какова их судьба. Интересно, добрались они до другого плота? А может, их подобрал эсминец или спасли летчики? Но о Хайме Манхарресе я не думал никогда. И все же стоило мне закрыть глаза, как передо мной появлялся улыбающийся Хайме. Сначала он показал мне, где находится порт, а потом я увидел его в столовой: он сидел напротив меня и перед ним стояла тарелка с фруктами и яичница.
- Вначале это был сон. Я закрывал глаза, на несколько кратких мгновений засыпал, и передо мной неизменно появлялся Хайме Манхаррес, причем в одной и той же обстановке. В конце концов я решил с ним заговорить. О чем я его тогда спросил, не помню. Что именно он мне ответил — тоже. Помню лишь, что мы с ним разговаривали на палубе и что он мне ответил — тоже. Помню лишь, что мы с ним разговаривали на палубе и что внезапно нас накрыло волной, той роковой волной, которая обрушилась на корабль в одиннадцать часов сорок пять минут, и я в ужасе проснулся, изо всех сил вцепившись в веревочную сеть, чтобы не свалиться в море.
- Но перед рассветом небо потемнело. Мне не спалось: я был настолько измотан, что даже не мог заснуть. Противоположный конец плота потонул в сумерках. Но я все равно смотрел в темноту, стараясь хоть что-нибудь разглядеть. И вот тогда-то я отчетливо увидел притулившегося на краешке борта Хайме Манхарреса. Он был в рабочей одежде: синих брюках и рубашке, а фуражку, на которой даже в темноте четко читалось «Кальдас», нацепил слегка набекрень.
- — Привет! — сказал я, ничуть не испугавшись. Ей-богу, передо мной был Хайме Манхаррес. Ей-богу, он был тут всегда!
- Если бы я увидел его во сне, об этом не стоило бы даже упоминать. Но дело в том, что сна у меня не было ни в одном глазу. Я был в здравом уме и слышал, как над головой у меня свистит ветер, а вокруг шумит море. Мне хотелось есть и пить. И я совершенно не сомневался, что Хайме Манхаррес плывет вместе со мной.
- — Почему ты не запасся водой на корабле? — спросил он.
- — Потому что мы уже приплывали в Картахену, — ответил я. — Мы лежали на корме с Районом Эррерой.
- Передо мной был не призрак, а живой человек. И я его не боялся, а наоборот, подумал: до чего же глупо было терзаться одиночеством, когда на плоту со мной еще один моряк!
- — Почему ты не поел? — спросил Хайме. И я отчетливо помню, что ответил:
- — Потому что меня не захотели покормить. Я попросил яблок и мороженого, а мне не дали. Не знаю, куда они их спрятали.
- Хайме промолчал. А потом снова указал мне, в каком направлении искать Картахену. Я посмотрел туда и увидел огни порта и пляшущие на воде буйки.
- — Мы уже подплываем. — Я сказал это, глядя на портовые огни: сказал без всякой радости, словно после обычного плавания. Затем предложил Хайме немного погрести вместе. Но его уже не было. Он ушел. Я сидел на плоту один, и огни порта оказались первыми лучами солнца. Первыми лучами моего третьего дня одиночества в море.

● **СПАСАТЕЛЬНОЕ СУДНО И ОСТРОВ ЛЮДОЕДОВ**

- Вначале каждый день связывался в моей памяти с каким-либо событием: первый, 28 февраля, с катастрофой. Второй — с самолетами. Третий же был самым ужасным: в тот день не случилось ничего особенного. Плот несся, подгоняемый ветром. Сил грести у меня не было. Небо затянуло тучами, я замерз и, не видя солнца, потерял ориентировку, в то утро я не знал, откуда ждать самолета. У плота нет ни носа, ни кормы. Он квадратный и порою движется боком, постоянно вертеться волчком. И когда ориентироваться не по чему, то невозможно понять, куда ты плывешь: вперед или назад. Ведь море везде одинаковое. Бывало, я ложился на заднюю часть плота — заднюю по направлению движе- ния. Ложился и клал на лицо рубашку. А когда вставал, задняя часть оказывалась передней. И я не мог определить, то ли плот стал двигаться в другом направлении, то ли он просто повернулся вокруг своей оси. Нечто подобное случилось на третий день и со временем.
- В полдень я решил сделать две вещи: во-первых, закрепил весло на одном из концов плота, чтобы иметь представление о его движении. А во-вторых, нацарапал ключами на борту несколько черточек, по одной на каждый прошедший день, и подписал под ними даты. Провел первую черточку и накорябал цифру «28». Потом прочертил вторую и написал «29». Возле же третьей черточки, обозначавшей третий день, я поставил цифру «30». Так возникла еще одна путаница. Я считал, что дело происходит 30 февраля, а было 2 марта. Но ошибку я заметил лишь на четвертый день, когда принялся размышлять, сколько в этом месяце дней: тридцать или тридцать один. Только тогда мне вдруг пришло в голову, что катастрофа произошла в феврале, и — глупость, конечно! — из-за этой ошибки я перестал ориентироваться во времени. На четвертый день я уже не был уверен в том, что правильно вел счет дням своего пребывания на плоту. Сколько их было? Три? Четыре? Пять? Если судить по царапинам — не важно, относились они к февралю или к марту, — то я пробыл на плоту три дня. Но я не был в этом уверен, равно как и не мог сказать наверняка, куда движется плот: вперед или назад.
- Поэтому я предпочел пустить все на самотек, чтобы не породить еще большей путаницы, и окончательно разуверился в том, что меня спасут.

- Я до сих пор ничего не ел и не пил. Думать уже не хотелось, тем более что я с трудом мог мыслить связно. Опаленная солнцем кожа страшно горела и пошла волдырями. На военно-морской базе инструктор предупреждал нас, что ни в коем случае нельзя подставлять солнцу спину, это вредно для легких. Помимо всего прочего меня беспокоило еще и это обстоятельство. Я снял не просыхавшую рубашку и обвязал ее вокруг пояса — она натирала мне кожу. Я четыре дня ничего не пил и в прямом смысле слова начал задыхаться. К тому же у меня сильно болело горло и ломило грудь и ключицы. Поэтому на четвертый день я все-таки выпил немного морской воды. Жажды она не утоляет, но освежает — освежает. А терпел я так долго, поскольку считал, что морскую воду можно пить очень редко и только маленькими порциями.

- Акулы каждый день появлялись ровно в пять, я потрясался их точности. И всякий раз возле плота начинался пир. Громадные рыбыны выпрыгивали из воды, а через пару минут их уже раздирали в клочья. Обезумевшие акулы стремительно прорезали окровавленную воду. Они пока не пытались атаковать плот, но он явно притягивал их, так как было белого цвета. А ведь акулы, как правило, набрасываются именно на белые предметы. Видят они плохо и замечают лишь что-то белое и блестящее. По этому поводу инструктор дал нам еще один совет:
- — Яркие вещи надо прятать, чтобы не привлекать внимания акул.
- Ярких вещей у меня не было. Даже циферблат моих часов темный. Но я чувствовал бы себя куда спокойней, если бы в случае нападения акул мог бы бросить им что-нибудь белое. На всякий случай начиная с четвертого дня я с пяти часов вечера постоянно держал наготове весло, намереваясь обороняться им от акул.
- Ночью я клал весло поперек плота и пытался уснуть. Не знаю, во сне или наяву, но каждую ночь мне являлся Хайме Манхаррес. Немного поболтав о пустяках, он исчезал. Я уже привык к его визитам. После восхода солнца его приход казался мне галлюцинацией. Но ночью я был совершенно уверен, что на краю плота сидит и разговаривает со мной самый настоящий Манхаррес. На рассвете пятого дня он тоже начал клевать носом, опершись о второе весло, но вдруг пристально взгляделся в море и воскликнул: — Смотри!
- Я поднял глаза. Километрах в тридцати от плота мерцали огоньки. Они плыли, как бы гонимые ветром, и мерцали, однако сомнений быть не могло — это огни корабля!
- У меня уже несколько часов не было сил грести. Но, завидев огни, я сел, крепко схватил весла и попытался подплыть к кораблю. Он двигался медленно, и в какой-то момент я отчетливо увидел не только огни мачты, но и ее тень, скользившую навстречу восходящему солнцу.
- Мне сильно мешал ветер. И хотя я отчаянно махал веслами — ума не приложу, откуда у меня взялись силы после четырехдневной голодовки, — плот не отклонился от направления движения ветра ни на один метр.
- Огни все отдалялись и отдалялись. Я вспотел. Силы меня покидали. Через двадцать минут огни исчезли совсем. Звезды стали гаснуть, и небо приобрело сизый оттенок. Оставшись один, я поднялся под секущим ледяным утренним ветром и некоторое время стоял, крича как ненормальный.
- Когда взошло солнце, я опять полулежал, прислонившись к веслу. Я был на последнем издыхании. Теперь мне стало понятно, что спасения ждать неоткуда, и я хотел умереть. Однако странное дело: стоило подумать о смерти, как в голову начинали лезть мысли об опасности. И эти мысли придавали мне сил.
- Утром пятого дня я решил во что бы то ни стало изменить курс плота. Мне взбрело в голову, что, если я буду по-прежнему плыть по ветру, попаду на остров к людоедам. В Мобиле я читал в каком-то — не помню точно в каком — журнале рассказ про человека, который потерпел кораблекрушение. Его потом сожрали каннибалы. Но я о том рассказе не думал. Я думал о книге «Моряк-отступник», которую прочел в Боготе два года назад. Это история про моряка. Во время войны, после того как его корабль подорвался на mine, он умудрился доплыть до ближайшего острова, где провел сутки, питаясь дикими плодами. Затем его увидели каннибалы. Они бросили беднягу в котел с кипящей водой и сварили заживо. Этот остров тут же всплыл в моей памяти. И теперь побережье ассоциировалось для меня исключительно с людоедами. Впервые за пять дней одиночества мои страхи направились в другое русло: теперь я боялся не столько моря, сколько земли.
- В полдень я лежал на плоту, впад от солнца, голода и жажды в какое-то летаргическое состояние. Я ни о чем не думал, потерял ощущение времени и пространства, а когда попытался встать на ноги и понять, сколько у меня осталось сил, то осознал, что мое тело мне уже неподвластно.
- Пора, подумал я. И действительно, мне показалось, что наступил самый страшный момент, о котором некогда предупреждал нас инструктор: пора привязываться к плоту. Наступает такой момент, когда ты уже не ощущаешь ни голода, ни жажды. Когда покрытая волдырями кожа становится нечувствительной к укусам беспощадного солнца. У тебя не остается ни мысли, ни чувств, но все еще теплится надежда. Ты еще можешь прибегнуть к последнему средству — высободить концы веревочной сетки и привязаться к плоту. Во время войны часто находили полуразложившиеся, исклеванные птицами, но крепко привязанные к плотам трупы.
- Однако я решил, что пока привязываться незачем. У меня хватит сил продержаться до ночи. Я скатился на дно плота, залез в воду по шею, вытянул ноги и просидел так несколько часов. Солнце припекало рану на колене, она начала болеть. И вдруг я очнулся. Прохладная вода пробудила меня к жизни и мало-помалу придала мне сил. В животе начались резкие колики, а вскоре и вовсе разразился настоящий бунт. Я попытался сдержаться, но не мог.
- Тогда я с превеликим трудом выпрямился, расстегнул пояс, брюки и, справив большую нужду, испытал огромное облегчение. За пять дней это произошло впервые. И впервые рыбы отчаянно заколотились о борт плота, стараясь прорвать крепкую веревочную сетку.
- **СЕМЬ ЧАЕК**
- Видя вблизи столько рыб, я вновь ощутил прилив голода. Положение было отчаянным, но все же небезнадежным. Я забыл про усталость и схватил весло, намереваясь из последних сил жакнуть по голове одну из рыб, яростно метавшихся возле плота, устраивавших кучу-малу, выпрыгивавших из воды и ударявшихся о борт. Сколько раз я ударил веслом — не помню. Я чувствовал, что бил я без промаха, но мне так и не удалось разглядеть ни одну из моих жертв. Это было жуткое пиршество рыб, которые пожирали друг друга, акула плавала сверху брюхом, выхватывая из бурлящей воды лакомые кусочки.
- Впрочем, увидев акулу, я отказался от коварных замыслов, разочарованно бросил весло и улегся на борт. Но через несколько минут радостно встрепенулся: над плотом летало семь чаек!
- Для изголодавшегося, затерянного в море матроса чайка — вестник надежды. Обычно стая чаек отправляется из порта вслед за кораблем, но на второй день плавания отстает. Появление семи чаек, паривших надо мной, означало близость земли.
- Будь у меня силы, я вновь налег бы на весла. Но я был совершенно измотан. Ноги подкашивались. Считая, что не пройдет и двух дней, как я выберусь на сушу, я зачерпнул пригоршню соленой воды, выпил ее и опять улегся на спину, чтобы уберечь легкие от солнца. Я не стал закрывать лицо рубашкой, не желая терять из виду чаек, которые медленно летели острым клинышком в открытое море. Времени было час дня, шли уже пятые сутки моего пребывания на плату.
- Не знаю, когда она прилетела. Время близилось к пяти, я лежал на борту, собираясь слезть с него до появления акул. Но вдруг увидел чайку, маленькую, не больше моей ладони. Она кружила над плотом, ненадолго опускаясь на его противоположный край.
- Рот у меня наполнился холодной слюной. Мне нечем было поймать эту птицу. У меня не было ничего, кроме рук и подогреваемой голодом смекалки. Остальные чайки исчезли. Лишь эта коричневатая кроха с блестящими перышками скакала по плоту.
- Я лежал не шевелясь. Мне уже мерещился острый плавник точной, как часы, акулы, которая с пяти ноль-ноль должна была рыскать возле плота. Но я все же решил рискнуть. Мне было боязно даже посмотреть на чайку, чтобы не вспугнуть ее поворотом головы. Она пролетела как раз надо мной, низко-низко. Потом умчалась вдаль и пропала в небе. Но я не терял надежды. Я не задавался вопросом, как буду разделять птицу, как потрошить. Я знал только, что мне хочется есть и если я буду лежать неподвижно, чайка приблизится и можно будет ее схватить.
- Я ждал, по-моему, больше получаса. Чайка то появлялась, то исчезала. В какой-то момент по воде, прямо у моей головы, ударил плавник акулы, терзавшей рыбу. Но вместо страха я ощутил лишь новый прилив голода. Чайка скакала по борту. Кончался пятый день моих морских скитаний. Пять дней я ничего не ел. И хотя страшно волновался, хотя сердце мое бешено колотилось, я лежал неподвижно, как мертвый. И чувствовал, что чайка подбирается ко мне все ближе и ближе.
- Я лежал на борту, вытянув руки вдоль туловища. Честное слово, я даже ни разу не моргнул за целые полчаса! Небо светилось все ослепительней, свет резал мне глаза, но я боялся закрыть их в столь напряженный момент. Чайка уже клевала мои ботинки.
- Томительно, напряженно прошли полчаса... Вдруг птица села ко мне на ногу и слегка ткнулась клювом в штанину брюк. Я по-прежнему лежал не шевелясь, но тут она резко и сильно клюнула меня в раненое колено. Я чуть не подскочил от боли, но сдержался. Потом чайка перебралась поближе и замерла в пяти-шести сантиметрах от моей руки. Я собрался в комок и, затаив дыхание, незаметно потянулся к ней.
- **ГОЛОД НЕ ТЕТКА**
- Если вы уляжетесь посреди городской площади в надежде поймать чайку, то можете быть уверены — вам это никогда не удастся! А вот в ста милях от берега — совсем другое дело. На суше у чаек обостряется инстинкт самосохранения. В море же они становятся доверчивыми.
- Я лежал так спокойно, что, наверное, маленькая игрунья, усевшаяся мне на ногу, решила, что перед ней мертвец. Я прекрасно видел ее. Она хватала меня клювом за брюки, но не причиняла боли. Моя рука все ползла по направлению к ней. И в тот момент, когда птица,

наконец почуяв опасность, хотела упорхнуть, я схватил ее за крыло и прыгнул на дно плота, намереваясь немедленно растерзать свою жертву.

- Ожидая, пока птичка; сядет ко мне на ногу, я был уверен» что съем ее живьем, даже не ошпыивая. Я так изголодался, что при одной лишь мысли о крови мне хотелось пить. Но когда чайка попала, когда в руках у меня затрепыхалось теплое тельце и я увидел круглые, блестящие карие глаза, в душу закралось сомнение.
- Однажды, стоя на палубе с ружьем, я пробовал подстрелить чайку, летевшую за кораблем. Но один офицер, опытный моряк, сказал:
- — Не будь негодяем. Для моряка увидеть чайку;— все равно что увидеть землю. Охотиться на чаек недостойное занятие.
- Держа теперь в руках пойманную птичку и собираясь разорвать ее на клочки, я вспомнил его слова. И хотя пять дней у меня во рту не было ни крошки, слова старого моряка не давали мне покоя. И все же голод пересилил. Я крепко сжал птице голову и начал сворачивать ей шею, как курице.
- Шейка оказалась слишком хрупкой. Стоило чуть нажать, и позвонки сломались. Я нажал посильнее, и по моим пальцам заструилась горячая, яркая кровь. Мне стало жаль мою жертву. Это смахивало на убийство. Голова чайки отделилась от тела и задержалась у меня на ладони.
- Кровь, пролившаяся на плот, взбудоражила рыб. За борт слегка задело белое, блестящее брюхо проплывавшей мимо акулы. Обезумев от запаха крови, акула способна одним махом перекусить стальную пластину. Из-за своеобразного расположения челюстей она должна перевернуться животом вверх, чтобы схватить свою жертву. Но поскольку она подслеповата и прожорлива, то, перевернувшись вверх спиной, она пытается сожрать все, что попадет на ее пути. По-моему, в тот момент акула предприняла попытку атаковать плот. Я в ужасе выкинул голову чайки, и в нескольких сантиметрах от борта началась свалка огромных рыб, дравшихся за птичью голову, которая была меньше куриного яйца.
- Перво-наперво я попытался ошпыить птицу. Она оказалась поразительно легкой, а кости — такими хрупкими, что их можно было переломить двумя пальцами. Я попробовал выдернуть перья, но белая кожа под ними была настолько нежной, что окровавленные перья выдирались вместе с мясом. Вид: черного месива, налипшего мне на пальцы, вызвал у меня омерзение.
- Легко сказать: мол, поголодав пять дней, можно съесть все, что угодно! Но даже самому изголодавшемуся человеку покажется отвратительным комок перьев, измазанный теплой кровью и воняющий сырой рыбой.
- Вначале я пытался аккуратно ошпыить чайку. Однако кожа у нее была слишком нежной и буквально расплзлась: у меня под руками. Я помыл чайку в воде. Потом одним махом разорвал ее пополам, и при виде розово-голубых внутренностей меня затосило. Я поднес ко рту верхнюю часть ножки, но не смог проглотить ни кусочка. И ничего удивительного! Мне почудилось, будто я жую лягушку. С нескрываемым отвращением я выплюнул кусок, который держал во рту, и долго сидел не шевелясь, зажав в кулаке гадкий комок окровавленных костей и перьев.
- Мне пришло в голову, что, раз я не могу съесть птицу, пусть хотя бы послужит мне наживкой. Да, но где рыболовные снасти? Эх, найти хотя бы булавку! Или кусок проволоки... Но увы, при мне были лишь ключи, часы, кольцо и три рекламных открытки из мобильного магазина.
- Тут я вспомнил про ремешок. Пожалуй, из пряжки можно соорудить крючок... Однако усилия пропали даром. Никакого крючка соорудить не удалось. Смеркалось. Ошалевшие от запаха крови рыбы метались вокруг плота. Когда окончательно стемнело, я выбросил в воду остатки чайки и лег умирать. Укладываясь на весло, я слышал глухую возню рыб, сражавшихся за косточки, которые мне так и не удалось обглодать.
- Пожалуй, я действительно умер бы этой ночью от усталости и отчаяния. Сразу, едва стемнело, поднялся сильный ветер. Плот швыряло из стороны в сторону, а я лежал без сил в воде, высунув наружу лишь ноги и голову и даже не подумав привязаться веревками.
- Но после полуночи погода переменялась: выплыла луна. Это была первая лунная ночь после катастрофы. Морские просторы казались в серебристом свете призрачными. Той ночью Хайме Манхаррес не пришел. В полном одиночестве, уже ни на что не надеясь, я был брошен на произвол судьбы.
- Однако всякий раз, когда я падал духом, что-нибудь да вселяло в меня надежду. Той ночью это были отблески луны на волнах. Море штормило, и на каждой волне мне чудился огонек корабля. Две ночи назад я потерял надежду на то, что меня спасет какое-нибудь судно. И тем не менее в течение всей той ясной ночи, моей шестой ночи в море я, как одержимый, смотрел вдаль, смотрел почти с таким же упорством и верой, как сразу же после катастрофы. Окажись я теперь в подобной ситуации, я бы умер от отчаяния, ведь теперь мне известно, что ни один корабль не заходит в те воды, где дрейфовал мой плот.
- **Я БЫЛ ПОКОЙНИКОМ**
- Рассвета в шестое утро я не помню. Смутно припоминаю лишь то, что я, ни жив ни мертв, лежал в прострации на дне плота. В те минуты я думал о родных и, как мне потом рассказали, представлял все совершенно правильно, именно так и обстояли дела в дни моего отсутствия. Меня не удивило известие о том, что мне отдали последние почести. В то шестое утро моего одиночества в море я думал, что меня сейчас, наверное, хоронят. Родным, конечно, сообщено о моем исчезновении. А раз самолеты больше не прилетали, значит, поиски прекращены и я объявлен погибшим. Что ж, в известной мере это было правдой. Все пять дней я беспрерывно боролся за жизнь. Причем всегда находил какую-то возможность выстоять, цеплялся за соломинку и вновь обретал надежду. Но на шестой день мои надежды иссякли. Я был покойником на плоту.
- На закате, подумав, что скоро пять часов и, стало быть, вот-вот снова пожалуют акулы, я сделал над собой сверхъестественное усилие, заставляя себя сесть и привязаться к борту. Два года назад мне довелось видеть на пляже в Картахене останки человека, растерзанного акулой. Я не хотел умереть подобной смертью. Не хотел, чтобы меня растерзала на куски стая ненасытных рыб.
- Дело шло к пяти. Как всегда пунктуальные, акулы были тут как тут, рыскали вокруг плота. Я с трудом сел и стал развязывать концы веревочной сети. Ветер был свеж. Море спокойно. Я слегка приободрился и внезапно вновь увидел семь вчерашних чаек. А увидев их, снова захотел жить.
- В тот момент, я съел бы все, что угодно. Меня мучил голод, но еще мучительней была боль в пересохшем горле и сведенных челюстях, которые уже отвыкли двигаться. Мне нужно было что-нибудь пожевать. Я попытался оторвать полоску от резины ботинок, но отрезать ее было нечем. Вот тогда-то я и вспомнил о магазинных рекламных открытках.
- Они лежали в кармане брюк и от сырости почти совсем расплзлись. Я разорвал их на кусочки, положил в рот и начал жевать. И — о чудо! Боль в горле немножко утихла, а рот наполнился слюной. Я медленно продолжал двигать челюстями, словно во рту у меня была жевательная резинка. Вначале челюсти ныли. Но постепенно, жуя открытку, которую я Бог знает зачем хранил в кармане с того дня, как мы пошли за покупками с Мэри Эдресс, я приободрился и повеселел. Я собирался жевать открытки постоянно, чтобы разработать челюсти. Но выплевывать их в море показалось мне кощунством. Когда крошечный комочек жеваного картона провалился в мой желудок, в душе затеплилась надежда на спасение. Может, акулы меня всё-таки не растерзают?
- **КАКИЕ НА ВКУС БОТИНКИ?**
- После истории с открытками, принесшими мне такое облегчение, воображение мое разыгралось, и я принялся гадать, что бы еще такое съесть. Будь у меня бритва, я бы искромсал башмаки и съел бы каучуковые подошвы. Ничего более аппетитного в моем распоряжении не имелось. Я попытался отодрать белую, чистую подошву, используя вместо бритвы ключи. Но тщетно. Оторвать резину, прочно приплавленную к ткани, оказалось невозможно.
- В отчаянии я впился зубами в ремень и кусал его до тех пор, пока зубы не заболели. Но не смог вырвать ни кусочка. Должно быть, я походил на дикого зверя, когда пытался выгрызть кусок ботинка, ремня или рубашки. А на закате дня снял промокшую одежду и остался в одних трусах. Не знаю, открытки так подействовали или еще что-нибудь, но шестя почти сразу же сморил сон. В эту седьмую ночь, то ли уже привыкнув к неудобному плоту, то ли совершенно выбившись из сил после шести бессонных ночей, я спал как сурок. Порою меня будили волны, я пугался и подпрыгивал, чувствуя, что вот-вот шлепнусь в воду. Но тут же вновь засыпал.
- Наконец настал седьмой день моего пребывания в море. Почему-то я был уверен, что он не окажется последним. Море было спокойным и туманным, и, когда часов около восьми взошло солнце, я хорошо выспался и был свеж как огурчик. Над плотом по низкому свинцовому небу пролетели семь чаек. Два дня назад я им бурно обрадовался. Но теперь, видя их третий день подряд, порядком струхнул. Наверное, они заблудились. Каждый моряк знает, что иногда стая чаек теряется в море и какое-то время летит наобум, пока повстречает корабль, который укажет ей дорогу в порт. По всей вероятности, я три дня подряд видел одних и тех же заблудившихся чаек. А значит, мой плот относилось все дальше от суши.
- **Я ВОЮЮ С АКУЛАМИ ИЗ-ЗА РЫБЫ**

- Мысль о том, что я не приближаюсь к берегу, а, наоборот, удаляюсь в открытое море, сломила мою волю к борьбе. Но когда человек на краю гибели, у него срабатывает инстинкт самосохранения. Рядом обстоятельств седьмой день моих скитаний отличался от предыдущих: море было спокойным и теплым, солнце не палило, а грело и ласкало, постоянно дувший ветерок -мягко толкал плот и слегка заглушал боль от ожогов.
- Рыбы тоже вели себя иначе. Они спозаранку плыли за плотом, причем держались почти на поверхности воды. Я их прекрасно видел. Они были голубые, коричневые, красные, всевозможных расцветок, форм и размеров. Плот, казалось, попал в аквариум.
- Не знаю, может, после семидневной голодовки, дрейфуя в море, человек привыкает к такой жизни. Думаю, да. Отчаяние, в котором я пребывал в предыдущие дни, сменилось тупой, бессмысленной покорностью. Я был убежден, что все переменится, что море и небо перестали быть моими врагами и что плывущие за плотом рыбы — мои друзья. Мои старые знакомые, которых я знаю целых семь дней.
- В то утро я не надеялся никуда приплыть. Я был уверен, что плот занесло в такие места, где не ходят корабли и где теряются даже чайки.
- И все же я думал, что, проболтавшись так семь дней, я привыкну к морю, привыкну влачить это жалкое существование и мне не нужно будет изощряться, пытаясь выжить. В конце концов, продержался же я целую неделю наперекор всему! Отчего бы не прожить на плоту всю жизнь? Рыбы плавали на поверхности, море было чистым и тихим. Вода вокруг плота кишела симпатичными, аппетитными морскими обитателями. Создавалось впечатление, что их можно поймать голыми руками. Ни одной акулы видно не было. Я доверчиво опустил руку в воду и попытался ухватить круглую, блестящую голубую рыбку длиной сантиметров двадцать, не больше. Все рыбы поспешно нырнули вглубь. Вода на мгновение забурилась, и морские обитатели исчезли. Потом мало-помалу вынырнули вновь.
- Я решил, что ловить рыбу голыми руками надо с умом. Ведь в воде руки теряют свою силу и ловкость. Я нацеливался на какую-нибудь рыбешку. Пытался ее поймать и ловил! Но она с ошеломляющей быстротой и проворством выскальзывала у меня меж пальцев. Тогда я набрался терпения и долго сидел, пытаясь не спеша выловить рыбку. Мне не приходило в голову, что внизу, на дне, может притаиться акула, которая поджидает, когда я опущу руку по локоть, чтобы откусить ее одним махом. Я ловил рыбу до начала одиннадцатого. Но — увы! Рыбки покусывали мне пальцы, сперва легонько, словно беря наживку, потом сильнее. Полуметровая рыбина, гладкая и серебристая, мелкими острыми зубами содрала мне кожу на большом пальце. И тут я заметил, что и укусы других рыбешек вовсе не безобидны. Мои пальцы были сплошь покрыты маленькими кровотокающими ссадинами.
- Не знаю, то ли кровь моя их привлекла, то ли еще что-то, но в ту же минуту у плота появились акулы. В жизни не видел столько этих тварей! Тем более таких кровожадных. Они прыгали, словно дельфины, преследуя и пожирая рыб возле плота. Я в ужасе забился на дно и оттуда взирал на побоище.
- Все произошло так внезапно, что я не заметил, в какой именно момент акула выскочила из воды и сильно ударила хвостом. Закачавшийся плот потонул в искрящейся пене. В яркой волне, ударившей о борт плота, блеснула стальная молния. Я инстинктивно схватился за весло, приготовившись нанести сокрушительный удар. Но, заметив возле борта выпирающий из воды огромный плавник, понял, что произошло. Спасаясь от акулы, на плот запрыгнула полуметровая рыба, блестящая и зеленая. Я собрал все силы и обрушил на ее голову первый удар весла.
- Убить рыбу на плоту не так-то просто. От каждого удара плот шатался, угрожая сделать сальто-мортале. Момент был пренапряженнейший. От меня требовалось максимум силы и сообразительности. От неудачного удара плот мог перевернуться и я упал бы в воду, кишевшую голодными акулами. Но и не бить было нельзя — добыча могла ускользнуть. Я балансировал на грани жизни и смерти. Либо я попадаю в пасть к акулам, либо приобретаю четыре фунта свежей рыбы, которой смогу утолить недельный голод. Я крепко оперся о борт и ударил во второй раз. Голова рыбы хрустнула под веслом. Плот задрожал, и под ним закопошились акулы. Но я надежно опирался о борт. Когда плот вновь выровнялся, я увидел, что лежавшая посреди него рыба все еще жива. В предсмертной агонии рыба скачет неимоверно высоко и далеко. Мне было ясно, что третий удар должен сразить ее наповал или я безвозвратно потеряю свою добычу. Я уселся на дно плота — так мне было сподручнее поймать эту рыбу. Если бы понадобилось, я, наверное, схватил бы ее ступнями, коленями или зубами. Я уселся поудобнее и, стараясь не промахнуться — ведь я понимал, что от этого удара зависит моя жизнь,— со всей силы обрушил весло на рыбью голову. Рыба неподвижно застыла, и струйка темной крови окрасила воду на дне плота.
- Но не только я ощутил запах крови. Почуяли его и акулы. Такого смертельного страха, как в тот момент, когда мне удалось заполучить четыре фунта рыбы, я никогда в жизни не испытывал. Осатанев от запаха крови, акулы с размаху бросались на сетку. Плот сотрясало и в любой момент мог перевернуться. Ну а дальше все произошло бы мгновенно. В один миг стальные акулы зубы — а их у нее сверху и снизу по три ряда — растерзали бы меня на клочки.
- Однако голод заглушал остальные чувства. Я зажал рыбу ногами и, балансируя, старался после каждой атаки хищников выровнять плот. Так продолжалось несколько минут. Когда плот приходил в равновесие, я вылескивал за борт окровавленную воду. Постепенно вода очистилась от крови, и акулы утихомирились. Но надо было держать ухо остро: из воды на метр с лишним торчал чудовищный плавник. Ничего подобного мне еще видеть не доводилось. Акула плавала спокойно, но я знал, что стоит ей опять почуять запах крови, как она перевернет плот. С массой предосторожностей я приступил к разделке рыбы.
- Тело такой полуметровой рыбины защищено толстой чешуей. Попробуйте выдернуть чешуйки, и вы убедитесь, что они, как стальные пластины, впаяны в мясо. Я попробовал счистить чешую ключами, но она сидела как влитая. Рыба была необыкновенной: ярко-зеленая, в плотной броне чешуи. Зеленый цвет с детства ассоциируется у меня с ядом. Вы не поверите, но, хотя в животе у меня началось колоть при одной только мысли о куске свежей рыбы, в какой-то момент я чуть не выбросил ее за борт, вообразив, что она ядовита.
- Однако терпеть голод можно лишь тогда, когда надежды найти пропитание нет. Когда же я, сидя на дне плота, пытался разделить при помощи ключей зеленую, блестящую рыбину, голод стал совершенно нестерпимым.
- Спустя пару минут мне стало ясно, что если я всерьез вознамерился съесть свою добычу, то надо действовать более решительно. Я поднялся на ноги, наступил рыбе на хвост и засунул ей под жабры конец весла. Жабры были защищены толстыми, прочными пластинками. Орудия веслом, я в конце концов ухитрился порвать жабры. И тут заметил, что рыба еще жива. Я снова шархнул ее по голове. А когда попытался вырвать твердые пластинки, защищавшие жабры, не смог разобрать, чья кровь струится у меня по пальцам: рыбья или моя собственная. Руки у меня были истрезаны, а кожа на кончиках пальцев содрана до мяса.
- Кровь снова возбудила у акул аппетит. Трудно поверить, но в тот момент, когда вокруг бушевали голодные чудовища, а мне никак не удавалось преодолеть отвращения при виде окровавленной рыбы, я чуть было не швырнул ее акулам, как раньше швырнул чайку. Я был в отчаянии, ощущая свое полное бессилие перед рыбой, закованной в стальную броню чешуи.
- Я принялся ее осматривать, ища хоть какое-то уязвимое место. Наконец обнаружил под жабрами щель и начал выковыривать пальцем потроха. Рыбы потроха мягкие и бесформенные. Говорят, если акулу сильно тряхнуть за хвост, из ее пасти вывалится желудок и внутренности. В Картахене я видел подвешенных за хвост акул, из пасти которых действительно свисал огромный комок темных липких потрохов.
- К счастью, потроха моей рыбы были такими же мягкими, как и акулы. Я выковырял их в две секунды. Это оказалась самка: среди потрохов я обнаружил гирлянду икринок. Хорошенько вычистив рыбу, я впился в нее зубами. С первого раза прокусить чешую не удалось. Но я предпринял вторую попытку и с новыми силами отчаянно вгрызлся в свою добычу, пока у меня не заболели челюсти. В результате мне удалось отгрызть первый кусок, и я принялся пережевывать холодное жесткое мясо.
- Я жевал с отвращением. Мне всегда был омерзительен запах сырой рыбы. На вкус она оказалась еще гаже. Отдаленно напоминая сырые плоды пальмы чонтадуру, она была еще более пресной и клейкой. Мне еще ни разу не доводилось есть сырую рыбу. Пережевывая первый кусок, попавший ко мне в рот за семь дней, я испытал омерзительное ощущение, как будто ел эту рыбу живьем.
- Однако после первого куска мне полегчало. Я откусил второй и вновь заработал челюстями. Минуту назад мне казалось, что я мог бы слопать целую акулу. Но после второго же куска пришло насыщение. Мой зверский семидневный голод прошел в мгновение ока. Я снова был силен, как в первый день моих злоключений.
- Теперь-то я знаю, что сырая рыба утоляет жажду. А тогда об этом не подозревал, однако заметил, что не только голод, но и жажда куда-то исчезли. Ко мне вернулся оптимизм. Запасов рыбы должно было хватить надолго, ведь я откусил от полуметровой рыбины всего два кусочка.
- Я решил завернуть рыбу в рубаху и положить на дно плота, чтобы она не протухла. Но вначале предстояло ее помыть. Я рассеянно взял рыбу за хвост и опустил в воду за бортом. Но между чешуйками запеклась кровь. Надо было ее очистить. Я опять опрометчиво сунул рыбу в воду. И вдруг ощутил рывок, а в следующий миг услышал свирепый хруст акульих челюстей. Изо всех сил вцепившись в рыбий хвост, я от рывка акулы потерял равновесие. Однако, и ударившись о борт, не выпустил добычу из рук. Я дрался за нее как лев. Мне как-то не пришло в голову, что во второй раз акула может отхватить мне руку по самое плечо. Я опять изо всех сил потянул рыбу на себя, но в руках у меня уже ничего не было. Акула утащила мой улов! Обезумев от, отчаяния и ярости, в дикой злобе схватил весло и, корда акула снова проплыла

мимо борта, шарахнул ее по голове что было мочи. Эта тварь подпрыгнула, рывком перевернулась и одним махом, резко и свирепо щелкнув челюстями, откусила половину весла.

● ЦВЕТ ВОДЫ НАЧИНАЕТ МЕНЯТЬСЯ

- В бессильной злобе я продолжал молотить по воде сломанным веслом. Как еще было отомстить акулам за то, что они выхватили у меня из рук мое единственное пропитание? Было около пяти дня, шли седьмые сутки моих морских злоключений. С минуты на минуту должна была появиться целая стая акул. Съев два куска рыбы, я чувствовал себя силачом, а ярость из-за потери добычи странным образом укрепила мою волю к борьбе. На плоту оставалось еще два весла. Я хотел взять вместо обломка целое и продолжать сражаться, но инстинкт самосохранения превозмог ярость: я подумал, что, пожалуй, потерю и эти весла, а они в любой момент могли пригодиться.
- Закат был такой же, как и в предыдущие дни. Однако ночь выдалась более темная. Море бурлило. Собираясь дождь. Рассчитывая вскоре получить питьевую воду, я скинул рубашку и башмаки, приспособив их под тару для воды. На земле такую погоду мы называем «собачьей». На море же ей больше подходит название «какуля».
- Около девяти подул холодный ветер. Я попытался укрыться на дне плота, но не смог. Холод был пронизывающий. Пришлось снова надеть рубашку и ботинки, смирившись с мыслью, что дождь застигнет меня врасплох и набрать воды будет не во что. Волны вздымались выше, чем 28-го вечером перед катастрофой. Плот казался скорлупкой во вздыбленном, грязном море. Заснуть я не мог. Я залез в воду по шею, потому что на воздухе с каждой минутой холодало. Меня бил озноб. В какой-то момент я совсем окоченел и начал делать зарядку, чтобы согреться. Но ничего не получилось. Я слишком ослаб. Мне пришлось крепко уцепиться за борт, иначе меня бы смыло волной. Голова моя покоилась на сломанном весле. Два других лежали на дне плота.
- Незадолго до полуночи ветер усилился, тучи сгустились и стали свинцовыми, воздух увлажнился, однако с неба не упало ни капли. В самом начале первого огромная волна — такая же, как та, что окатила палубу эсминца, — приподняла плот, словно кожуру банана, подбросила его вверх, и не успел я и глазом моргнуть, как плот перевернулся.
- Я это осознал уже под водой, выбираясь на поверхность, точь-в-точь как в момент катастрофы. Я отчаянно боролся с волнами, вынырнул и обмер: плота не было! Над головой у меня катились гигантские волны. В эту минуту я вспомнил Луиса Ренхифо, отличного пловца, который так и не сумел добраться до плота, находившегося от него всего в двух метрах. Я плохо соображал, что к чему, и искал плот совсем в другой стороне. Но он внезапно вынырнул сзади, примерно в метре от меня, и легкий, как пушинка, закачался на волнах. Два взмаха рук — и я уже на плоту. Два взмаха значит две секунды, но мне эти секунды показались вечностью. Я был настолько перепуган, что одним прыжком сиганул через борт и, мокрый, запыхавшийся, забился на дно плота. Сердце бешено колотилось в груди, я не мог дышать.
- Мне было грех роптать на судьбу. Если бы плот перевернулся в пять часов дня, акулы растерзали бы меня в клочки. Но в двенадцать ночи они утихомириваются. Особенно когда море штормит. Оказавшись вновь на плоту, я вдруг осознал, что стискиваю в руках весло, перекушенное акулой. Все произошло так стремительно, что я действовал чисто инстинктивно. Позднее я вспомнил, что весло, упав в воду, стукнуло меня по голове и я схватил его, когда шел ко дну. Это весло оказалось единственным, которое уцелело. Два других остались в море.
- Чтобы не лишиться хотя бы этой сломанной деревяшки, я надежно прикрепил ее к веревочной сетке одним из свободных концов. Море продолжало бушевать. На первый раз мне повезло. Но если плот перевернется снова, я могу и не доплыть. Подумав так, я расстегнул ремни и крепко привязался к сетке.
- Волны по-прежнему бились о борт. Плот плясал в сердитом, мутном море, но мне ничто не угрожало, я был привязан ремнем к сетке. Весло тоже было в сохранности. Стараясь не дать плоту перевернуться, я думал, что просто чудом не потерял рубашку и ботинки. Не замерзни я накануне и не надень их, они валялись бы на дне плота и, когда тот перевернулся, упали бы в море вместе с веслами.
- В том, что плот переворачивается во время шторма, нет ничего страшного. Он сделан из пробки и обтянут непромокаемой, покрашенной в белый цвет тканью. Однако днище закреплено не жестко, а свисает с пробкового каркаса, как корзина. Плот может перевернуться, но его дно тут же приходит в нормальное положение. Единственная опасность состоит в том, что плот можно потерять. Поэтому я решил, что, привязавшись к сетке, я не рискую потерять плот, даже если он перевернется тысячу раз.
- Так-то оно так. Но я не учел одного обстоятельства. Через четверть часа плот опять, причем весьма эффектно, сделал сальто-мортале. Сперва я повис в ледяном влажном воздухе под секущим ветром. Потом увидел перед собой пропасть и понял, в какую сторону сейчас перевернется моя посудина. Я рванулся к другому боку, чтоб выправить плот, но прочный кожаный ремень, которым я пристегнулся к сетке, не пустил меня. Суть происходящего дошла до меня мгновенно: плот перевернулся вверх дном. Я очутился под водой и был крепко привязан к борту. Я задышался, тщетно пытаюсь нащупать пряжку ремня.
- Стараясь не впадать в панику, я заметался, пробуя отстегнуться. Я знал, что времени в обрез: когда я в хорошей форме, то выдерживаю под водой чуть больше восьмидесяти секунд. Я затаил дыхание в тот самый момент, когда очутился под плотом. Это было минимум пять секунд назад. Я провел рукой по талии и, по-моему, меньше чем за секунду нащупал ремень, а в следующий миг обнаружил пряжку. Она была пристегнута к сетке, поэтому нужно было повиснуть, схватившись другой рукой за плот, чтобы ослабить натяжение. Я долго искал, как бы получше уцепиться. Потом наконец повис на левой руке. Правой же нащупал пряжку и быстро отстегнулся. Не зашелкивая пряжки и по-прежнему держась за борт, я перевалился на дно плота и мгновенно отцепился от сетки. Легкие у меня разрывались. Из последних сил я схватился двумя руками за борт и, все еще не дыша, начал подтягиваться.
- Под моей тяжестью плот сам собой опять перевернулся. А я вновь оказался под ним.
- Я захлебывался. Истерзанное жадной горло страшно болело. Но я этого почти не замечал. Главное было не отпускать плот. Наконец я умудрился высунуть голову из воды. Перевел дыхание. Я был совершенно измучен. Мне казалось, у меня не хватит сил влезть на борт. Но оставаться в воде, которая всего несколько часов назад кишела акулами, я тоже боялся. Не сомневаясь в том, что это будет последний рывок в моей жизни, я собрал оставшиеся силы, подтянулся на руках и в изнеможении упал на дно плота.
- Не знаю, сколько времени я пролежал. Горло болело, а содранные до крови кончики пальцев дергало. Знаю лишь, что меня тогда волновали две проблемы: как бы дать легким передышку, а плоту не позволить перевернуться.
- Так начался мой восьмой день в море. Утро было ненастным. Если бы пошел дождь, у меня не хватило бы сил набрать воды. Но зато ливень меня бы освежил. Однако, несмотря на повышенную влажность воздуха, которая, казалось бы, предвещала неизбежный дождь, с неба не упало ни капли. На рассвете море по-прежнему штормило. Успокоилось оно только после восьми утра. Но затем выглянуло солнце, и небо вновь стало ярко-голубым.
- Дико измученный, я перегнулся через борт и выпил несколько глотков морской воды. Теперь-то я знаю, что она не вредна для организма. Но тогда не знал и пил, только если боль делалась невыносимой. Когда пробудешь без воды семь дней, муки жажды ощущаются по-иному, не так, как вначале: возникает боль где-то глубоко в горле, в груди и, главное, под ключицами. И мучает удушьем. Морская вода немного унимала боль...
- После шторма рассветное море бывает голубым, как на картинках. Возле берега кротко плещутся на воде стволы и корни деревьев, вырванных бурей. Чайки отправляются покормить над морем. Этим утром, когда ветер стих, поверхность воды стала как гладкий лист железа, и плот легко понесся вперед. Теплый ветер приободрил меня и телесно, и духовно.
- Крупная, темная старая чайка пролетела над плотом. У меня не осталось сомнения: земля близко! Чайка, которую я поймал несколько дней назад, была молоденькой. В этом возрасте они могут летать удивительно далеко. Но такие старые, крупные и тяжелые птицы, как та, что кружила над моим плотом в восьмой день, не улетают за сто миль от берега. У меня опять появились силы бороться. Как и в первые дни, я начал пристально вглядываться в даль. Со всех сторон к плоту летели большие стаи чаек.
- Я уже не чувствовал себя одиноким и повеселел. Есть не хотелось. Я чаще, чем раньше, пил морскую воду. Мне не было одиноко в этой большой компании чаек, круживших у меня над головой. Я вспомнил Мэри Эдресс. «Как она там?» — спрашивал я себя и, вспоминая ее голос, вновь слышал, как она помогает мне переводить диалоги из кинофильмов. Именно в тот день, когда я единственный раз вспомнил о Мэри ни с того ни с сего, просто потому, что небо вдруг заполонили чайки, она была в мобильской католической церкви на мессе, которую заказала за упокой моей души. Эту мессу, как потом написала мне Мэри в Картахену, отслужили на восьмой день после моего исчезновения. Мэри просила Бога даровать моей душе покой. И не только душе, думаю я теперь, но и телу, ибо в то утро, когда я вспоминал Мэри Эдресс, а она молилась обо мне в Мобиле, я сидел на плоту и, глядя на чаек, возвещавших близость земли, чувствовал себя совершенно счастливым.
- Почти целый день я просидел на борту, глядя вдаль. Погода выдалась удивительно ясная. Я не сомневался, что землю можно будет различить за целых пятьдесят миль. Плот двигался с такой скоростью, какую не развили бы и два гребца с четырьмя веслами. Он несся вперед по голубой глади воды, словно моторная лодка.

- Пробыв семь дней на плоту, начинаешь подмечать самые незначительные изменения оттенка воды. Седьмого марта в три часа тридцать минут пополудни я заметил, что вода вокруг плота становится не синей, а темно-зеленой. В какой-то момент я даже увидел границу между двумя цветовыми зонами: по одну сторону вода была синей, как и все предыдущие семь дней, а по другую — зеленой: очевидно, она обладала повышенной плотностью. В небе низко летали тучи чаек. Я слышал над головой хлопание крыльев. Приметы были верные: перемена цвета воды и обилие чаек свидетельствовали о том, что сегодня ночью надо бодрствовать, дабы не пропустить первые береговые огни.
- **НАДЕЖДЫ УТРАЧЕНЫ... ДО СВИДАНИЯ В ЛУЧШЕМ МИРЕ!**
- Этой ночью мне не пришлось заставлять себя заснуть. Старушка чайка с девяти часов вечера уселась на борту и всю ночь напролет просидела со мной. Я улегся на единственное уцелевшее весло — изуродованную акулой палку. Ночь выдалась тихая, и плот все время плыл в одном и том же направлении, «Интересно, куда я причалю?» — думал я, не сомневаясь, что завтра буду уже на суше, ведь изменение окраски воды и появление старой чайки указывали на близость земли. Я не имел ни малейшего представления, куда ветер гонит мой плот.
- Я не был уверен, что за эти дни плот не изменил направления. Если он плывет в ту сторону, откуда появлялись самолеты, то, вероятно, причалит в Колумбии. Но без компаса я не мог разобраться, что к чему. Если бы я неуклонно плыл на юг, то наверняка причалил бы к карибскому побережью Колумбии. Но не исключено, что я плыл на север. А в таком случае совершенно непонятно, где я сейчас нахожусь.
- Незадолго до полуночи, когда меня начало неудержимо клонить ко сну, старая чайка подскочила ко мне и стала постукивать клювом по моей голове. Она стучала не больно, не прокалывая кожу под волосами. Как будто ей хотелось меня приласкать. Я вспомнил офицера, сказавшего, что убивать чайку подло, и устыдился. Зачем я убил ту малютку?!
- До самого рассвета я неотрывно глядел вдаль. Ночью было не холодно. Но никаких огней я не видел. Землей, что называется, и не пахло. Плот несся по чистому прозрачному морю, никаких других огней, кроме мерцавших в небе звезд, не было. Когда я переставал двигаться, чайка, похоже, засыпала и опускала голову на грудь. Птица тоже подолгу сидела не шелохнувшись. Но стоило мне пошевелиться, как она подпрыгивала и начинала поклевывать мою голову.
- На рассвете я переменил положение. Чайка оказалась у меня в ногах. Немного поклевав мои ботинки, она подскакала к моей голове по борту плота. Я не двигался. Она тоже застыла как вкопанная. Потом подобралась к моей макушке и опять замерла. Но едва я повернул голову, как она вновь принялась поклевывать мои волосы, словно лаская меня. Это превращалось в игру. Я несколько раз пересаживался, и чайка неизменно подсаживала к моей голове. А на рассвете, уже совсем не таясь, я протянул руку и схватил ее за шею.
- У меня и в мыслях не было ее убивать. История с первой чайкой научила меня, что это бессмысленная жестокость. Я хотел есть, но не собирался утолять голод за счет милой птахи, которая всю ночь путешествовала со мной, не причиняя мне вреда. Когда я схватил ее, она затрепетала, пытаясь вырваться. Я быстро сложил ей крылья над головой, чтобы сковать ее движения. Тогда она подняла голову, и в первых лучах восходящего солнца я увидел ее ясные испуганные глаза. Даже если бы, не дай Бог, у меня и возникло желание полакомиться этой чайкой, то при виде ее огромных печальных глаз я бы отказался от своего намерения.
- Солнце взошло рано и так припекало, что воздух накалился уже с семи часов утра. Я лежал на плоту, стискивая в руках чайку. Море было по-прежнему густо-зеленым, но никаких признаков земли не наблюдалось. Стояла духота. Я отпустил пленницу, она тряхнула головкой и стрелой помчалась вверх. Через мгновение она уже присоединилась к стае.
- В то утро — мое девятое утро в море — солнце палило, как никогда. Хотя я постоянно оберегал от него спину, она все равно была в волдырях. Пришлось убрать весло, к которому я прислонился, и залезть в воду, поскольку спина терлась о деревяшку и страшно болела. Плечи и руки тоже обгорели. Я не мог дотронуться до кожи даже пальцем: он казался раскаленным докрасна углем. Глаза воспалились. Я был не в состоянии смотреть в одну точку: перед глазами тут же шли ослепительно яркие круги. До сего дня мне было невдомек, в каком я, оказывается, плачевном состоянии. Я буквально разваливался на части, из-за морской соли и солнечных ожогов покрывался язвами. Стоило чуть-чуть потянуть за кожу, как она слезала длинными хлопьями, под которыми оставались красные проплешины. А в следующее мгновение ободранные места начинало садить, и сквозь поры проступала кровь.
- Я и не заметил, как у меня выросла борода. Ну конечно, я же одиннадцать дней не брился! Борода была густой и окладистой, но потрогать я ее не мог, потому что воспаленная кожа сильно болела. Представив себе свое изможденное лицо и покрытое волдырями тело, я вспомнил, сколько мне пришлось выстрадать в эти дни одиночества и отчаяния. Я вновь пал духом. Никаких признаков земли не было. Переважило за полдень. Я вновь потерял надежду выбраться на сушу. Раз земли до сих пор не видно, значит, плыви плот не плыви, а засветло до берега все равно не доберешься.
- **Я ХОЧУ УМЕРЕТЬ**
- Радость, обуревавшая меня в течение двенадцати часов, бесследно улетучилась. Силы иссякли. Мне уже на все было наплевать. Впервые за девять дней я лег на живот, подставив солнцу обожженную спину. Я перестал беречь здоровье, хотя понимал, что, пролежав так до заката, я наверняка загоню легкие.
- Рано или поздно наступает такой момент, когда боли уже не чувствуешь. Чувствительность притупляется, сознание меркнет настолько, что утрачивается ощущение времени и пространства. Лежа на животе и опираясь локтями о борт, а подбородком — о руки, я сперва чувствовал, как солнце яростно впивается в мою спину. Несколько часов подряд перед глазами у меня плясали бесчисленные сверкающие точки. Наконец, измучившись, я прикрыл веки и перестал реагировать даже на солнце. Меня охватило безразличие. Жизнь, смерть — все было до лампочки. Я решил, что умираю. И эта мысль пробудила в душе странную, смутную надежду.
- Открыв глаза, я вновь очутился в Мобиле. Стояла душная жара: мы с ребятами с нашего эсминца и евреем Моисеем Нассером, продавцом из магазина, в котором моряки покупали одежду, встретились в кафе под открытым небом. Именно Моисей дал мне когда-то рекламные открытки. Все восемь месяцев, пока корабль стоял на ремонте, Моисей Нассер обслуживал колумбийских моряков, а мы из благодарности отоваривались только в его магазине. Он хорошо говорил по-испански, хотя уверял, что не был ни в одной испано-язычной стране.
- И вот теперь мы, как почти каждую субботу, сидели в кафе, куда заходили только евреи и колумбийские моряки. На деревянном помосте танцевала все та же женщина, что обычно плясала тут по субботам. Живот у нее был оголен, а лицо закрыто прозрачной тканью, как у арабских танцовщиц в кино. Мы аплодировали и пили баночное пиво. Больше всех веселился Моисей Нассер, продававший колумбийским морякам хорошую и дешевую одежду.
- Трудно сказать, как долго я лежал в прострации, бредя пирушкой в Мобиле. Помню лишь, что затем я вдруг подскочил как ужаленный и заметил, что уже смеркается. И тут метрах в пяти от плота показалась громадная желтая черепаха с пятнистой, словно у ягуара, головой и жутким взглядом застывших невыразительных глаз, похожих на гигантские стеклянные шары. Она пристально глядела на меня. Сперва я принял ее еще за одну галлюцинацию и в ужасе приподнялся. Но стоило мне пошевелиться, как это четырехметровое чудовище нырнуло на дно, оставив за собой полоску вспенившейся воды. Я не знал, реальность это или видение. И до сих пор не могу определить, наяву то было или во сне, хотя собственными глазами видел, как гигантская желтая черепаха некоторое время плыла перед плотом, высунув из воды страшную пятнистую голову, которая может привидеться только в ночном кошмаре. Определенно скажу только одно: если б это чудовище — реальное или фантастическое, не важно, — прикоснулось к плоту, он наверняка бы перевернулся. И не один раз!
- Жуткое видение вновь пробудило во мне страх. И страх придал мне сил. Я схватил обломок весла, сел и приготвился сразиться с этим или с каким-нибудь другим чудовищем, которое попытается перевернуть плот. Время близилось к пяти. Отличавшиеся неизменной точностью акулы выныривали с морского дна на поверхность.
- Посмотрев на край плота, где я отмечал дни, я насчитал восемь черточек. Я сделал ключами новую царапину в полной уверенности, что она окажется последней, и меня охватили отчаяние и злоба. Надо же! Оказывается, умереть труднее, чем жить! В то утро я сделал выбор между жизнью и смертью, предпочтя смерть. Однако был по-прежнему жив, держал в руках обломок весла и собрался опять бороться за жизнь. За то единственное, что мне уже было недорого.
- **ТАИНСТВЕННЫЙ КОРЕНЬ**
- И вот, страдая от палящего солнца, от отчаяния и жажды, которая впервые стала совершенно нестерпимой, я вдруг не поверил своим глазам: посередине плота лежал запутавшийся в концах сетки красный корешок, похожий на корень, который идет в Бойаке на изготовление красок и название которого я не помню. Бог знает, когда он попал на плот. За девять дней, проведенных в море, я ни разу не видел в воде ни травинки. Но тем не менее корень таинственным образом запутался в сетке и был еще одним признаком земли, которая все не показывалась и не показывалась.

- В длину он составлял сантиметров тридцать. Изголодавшись, но уже не в силах думать о голоде, я позабыл про осторожность и откусил кусочек. У корня был вкус крови. Густой и сладкий маслянистый сок освежал горло. Я решил, что корень ядовит, но продолжал есть и жадно обглаживал изогнутый корешок, пока от него не осталось ни крошки.
- Доев его, я, однако же, не испытал облегчения. Мне пришло на ум Священное Писание. «Это как бы оливковая ветвь»,— подумал я, припомнив эпизод, как Ной выпустил из ковчега голубку и она вернулась с оливковой ветвью, означавшей, что вода схлынула. Корешок, которым я пытался заглушить девятидневный голод, был подобен той оливковой ветви.
- Можно прожить в море целый год, но наступает такой день, когда вы больше не в силах выдержать ни часа. Накануне я надеялся встретить рассвет на суше. Миновали сутки, а вокруг по-прежнему были лишь вода и небо. Надежды иссякли. Шла моя девятая ночь на плоту.
- «Девять ночей бдения по усопшему»,— с содроганием подумал я, будучи уверен в том, что сейчас у нас дома в Боготе, в районе Олайя, собрались все друзья моей семьи. Сегодня последняя ночь оплакивания покойника. Завтра разберут домашний алтарь и потихоньку начнут свykаться с моей смертью.
- До этой ночи у меня еще теплилась смутная надежда. Но, сообразив, что мои родные считают эту ночь девятой после моей смерти, последней ночью бдения по покойнику, я почувствовал себя всеми покинутым. Пожалуй, самым разумным было бы сейчас лечь и умереть. Я лег на дно плота и собрался было произнести вслух: «Больше не встану!»
- Но слова застряли у меня в горле. Я вспомнил школу. Поднес к губам образок Девы Марии дель Кармель и начал мысленно читать молитвы, как, по всей вероятности, делали сейчас дома мои родные. И мне стало хорошо, ибо я понял, что умираю.
- **НА ДЕСЯТЫЙ ДЕНЬ ЕЩЕ ОДНА ГАЛЛУЦИНАЦИЯ - ЗЕМЛЯ**
- Девятая ночь оказалась самой длинной из всех. Я лежал на плоту, волны мягко плескались о борт. Я был не в себе. Каждая волна, стукавшаяся о плот возле моей головы, напоминала мне о катастрофе. Об умирающих говорят, что они заново проживают свою жизнь. Нечто подобное происходило в ту ночь и со мной. Я снова лежал вместе с Рамоном Эррерой на корме эсминца между холодильниками и электроплитами и, заново проживая в бреду полдень 28 февраля, видел Луиса Ренхифо, стоявшего на вахте. Всякий раз, когда волна плескалась о борт, я чувствовал, что поклажа разлетается в разные стороны, а я тону, но отчаянно пытаюсь выплыть на поверхность.
- А после минута за минутой повторялись дни тоски и одиночества, страданий от голода и жажды. Они мелькали отчетливо, как на киноэкране. Сначала я падаю. Потом товарищи кричат, барахтаясь возле плота. Потом голод, жажда, акулы и мобильские воспоминания — все проходило передо мной длинной вереницей образов. Я пытался удержаться на палубе. Вновь оказывался на эсминце и привязывался, чтобы меня не смыло волной. Я привязывался так крепко, что у меня болели запястья, щиколотки и особенно правое колено. Но как бы крепко ни были затянута веревки, набегавшая волна все равно утаскивала меня на дно моря. Очнувшись, я понимал, что выплываю на поверхность. Плыву, задыхаюсь, но все же плыву...
- Два дня назад я раздумывал, не привязаться ли мне к плоту. Теперь это стало необходимым, но я не мог найти в себе силы встать и нашарить концы веревочной сети. Я был невменяем. Впервые за девять дней я не осознал своего положения. Если представить мое тогдашнее состояние, то надо считать просто чудом, что в ту ночь меня не смыло волной. Перевернись плот, и я, пожалуй, счел бы это очередной галлюцинацией. Решил бы, как неоднократно решал в ту ночь, что я вновь падаю с корабля, и моментально пошел бы на дно кормить акул, которые девять дней терпеливо дожидались за бортом своего часа.
- Но в ту ночь меня опять хранила судьба. Я лежал в бреду, вспоминая минуту за минутой девять дней моего одиночества, но, как я теперь понимаю, рисковал не больше, чем если бы успел привязаться к плоту.
- На рассвете подул холодный ветер. У меня поднялась температура. Я весь горел и дрожал, меня бил страшный озноб. Правое колено начало болеть. Из-за морской соли рана не кровоточила, но и не заживала, оставаясь такой же, как в первый день. Я все время старался не травмировать колено. Но этой ночью я пролежал на животе, и колено, упиравшееся в дно плота, болезненно пульсировало. Теперь я уверен, что эта рана спасла мне жизнь. Сначала боль была смутной, как в тумане. Потом постепенно пришло ощущение своего тела. Я почувствовал, что холодный ветер обдувает мое разгоряченное жаром лицо. Сейчас я понимаю, что в течение нескольких часов нес какую-то ахинею, разговаривая с друзьями, ел мороженое с Мэри Эд्रेस в кафе, где оглушительно гремела музыка. Прошло Бог знает сколько времени. Голова раскалывалась, в висках стучало, кости ломало. К опухшему, парализованному колену невозможно было прикоснуться. Казалось, оно у меня больше, гораздо больше всего остального тела.
- Лишь на рассвете я осознал, что нахожусь на плоту. Но сообразить, сколько времени я провалялся в бреду, не смог. Поднатужившись, я вспомнил, что на борту нацарапано девять черточек. Но когда я провел последнюю? Забыл... Похоже, с той минуты, как я съел корешок, запутавшийся в сетке, прошла целая вечность. А может, корень вообще мне приснился? Правда, во рту еще оставался его сладковатый привкус, но, пытаюсь вспомнить, что мне довелось съесть за последние дни, я напрочь забывал про этот корень. Впрямь он мне явно не пошел. Хотя я съел его целиком, в желудке все равно было пусто. Силы иссякли.
- Сколько дней прошло с тех пор? Я понимал, что сейчас утро, однако не мог понять, сколько ночей я пролежал трупом на дне плота, ожидая смерти, которая казалась мне еще более недостижимой, чем земля. Небо зазелело, как на закате. И тут я вконец запутался. Я даже перестал понимать, утро сейчас или вечер.
- **ЗЕМЛЯ!**
- Изнемогая от боли в колене, я попробовал изменить позу. Хотел перевернуться, но не смог. Я был настолько изможден, что мне казалось нереальным встать на ноги. Тогда я уперся руками о дно плота, перевернулся, плюхнулся на спину и положил голову на борт. Судя по всему, светало. Я взглянул на часы. Было четыре утра. В это время я обычно сидел на корме, вглядываясь в даль. Но сейчас я потерял надежду увидеть землю. А потому продолжал смотреть в небо, которое из ярко-красного постепенно становилось бледно-голубым. Воздух по-прежнему был холодным, меня знобило, а в колене пульсировала боль. На душе было препогоно. Это же надо — даже умереть не смог! Я обессилел, но был без сомнения жив. При мысли об этом меня охватила тоска. Я думал, мне не удастся пережить ночь, а все, оказывается, осталось по-прежнему. Я по-прежнему мучился на плоту и встречал новый день, очередной пустой день, не суливший мне ничего, кроме адского пекла и стаи акул, которая начиная с пяти часов будет дежурить у плота.
- Когда небо на горизонте заголубело, я огляделся. Со всех сторон меня окружало спокойное зеленое море. Но впереди, в утренней дымке, я увидел длинную темную тень. На фоне прозрачного неба вырисовывались очертания кокосовых пальм.
- Я пришел в ярость. Так-так... значит, накануне я пировал в Мобиле, потом видел гигантскую желтую черепаху, ночью переносился из отчего дома в Боготе в колледж Ла-Салье-де-Вильявисенсио, а оттуда — к товарищам по эсминцу. Теперь же новое видение — земля! Испытай я что-либо подобное дней пять назад, я бы обезумел от счастья, послал бы плот к чертовой матери и кинулся в воду, стремясь побыстрее добраться до берега.
- Но разве в таком состоянии, в каком я был теперь, человек поддается галлюцинациям? Кокосовые пальмы виднелись слишком отчетливо для того, чтобы быть реальными. И к тому же все время перемещались. То возникали прямо возле плота, то отдалялись на два-три километра. Вот почему я не обрадовался, а еще больше укрепился в своем желании умереть, не дожидаясь, пока галлюцинации доведут меня до сумасшествия. Я вновь перевел взгляд на небо. Теперь оно было высоким и безоблачным, лазурным.
- В четыре часа сорок пять минут на горизонте показались первые отблески солнца. До сих пор я боялся ночи, теперь же солнце зарождавшегося дня показало мне лютым врагом. Громадным, беспощадным врагом, который опять будет терзать мою изведенную язвами кожу и заставлять меня сходить с ума от голода и жажды. Я проклял солнце. Проклял день. Проклял судьбу, которая позволила мне девять дней оставаться целым и невредимым, вместо того чтобы погибнуть от голода или акулых зубов.
- Мне вновь стало очень неудобно лежать, и я пошарил руками по плоту, ища обломок весла. Раньше я не мог уснуть, если подушка была чересчур жесткой. Теперь же страстно желал найти обломок весла, изуродованного акулой, и подложить его под голову.
- Весло оказалось на дне: оно было по-прежнему привязано к сетке. Я его отвязал, осторожно подсунил под больную спину и положил голову на борт. И вот тут-то я отчетливо увидел в алых лучах восходящего солнца длинную и зеленую полосу берега.
- Время близилось к пяти. Утро было совершенно ясным. В реальности земли не возникало ни малейших сомнений. Когда я ее увидел, все обманутые надежды предыдущих дней, восторги по поводу самолетов, корабельных огней, чаек и перемены окраски воды внезапно вспыхнули вновь.
- Если б я проглотил яичницу из двух яиц, кусок мяса, булку и кофе с молоком — то есть полный завтрак, который нам давали на эсминце, — я и то вряд ли почувствовал бы такой прилив сил, как тогда, когда увидел землю и поверил в ее реальность. Я одним прыжком вскочил на ноги. Впереди четко виднелись очертания берега и силуэты кокосовых пальм. Огней не было, но справа от меня, километрах в десяти, первые лучи солнца бросали металлические отсветы на крутые скалы. Обезумев от радости, я схватил мой единственный обломок весла и попытался направить плот прямо к побережью.

- От плота до суши, по моим расчетам, было около двух километров. Вместо рук у меня было кровавое месиво, а спина при каждом движении жутко болела, но я не для того выстоял девять дней, — а считая новый день, так и все десять! — чтобы сдать теперь, когда берег у меня под боком. Я вспотел. Холодный рассветный ветер высушивал пот и пробирал меня до костей, однако я не переставал грести.
- **НО... ГДЕ ЗЕМЛЯ?**
- Мое так называемое весло было просто курам на смех. Какой-то жалкий обломок палки. Оно даже багром служить не могло, если бы мне пришлось в голову определить глубину. В первый момент, от волнения почувствовав необыкновенный прилив сил, я немного продвинулся вперед. Но потом выдохся, на мгновение замер, поднял весло и принялся разглядывать буйную растительность на берегу. Неожиданно я заметил, что параллельное берегу течение несет мой плот прямо на скалы.
- Эх, ну зачем я потерял весла?! Будь у меня хоть одно целое весло, а не этот акулий объедок, я бы с течением справился. У меня мелькнула мысль: а может, набраться терпения и подождать, пока плот прибьет к скалам? Они посверкивали в первых лучах утреннего солнца, будто лес стальных игл. К счастью, я так рвался ощутить под ногами землю, что решил не затягивать ожидания. Впоследствии мне стало известно, что это были скалы Карибского мыса и что, отдайся я на волю волн, от меня осталось бы мокрое место.
- Я попытался оценить свои силы. До берега оставалось два километра. В нормальном состоянии я могу проплыть два километра быстрее чем за час. Однако насколько меня хватит теперь, я не знал, ведь я десять дней ничего не ел, кроме кусочка рыбы и корешка; кожа у меня была обожжена, а колено поранено. И все же это был мой единственный шанс. Я не успел все как следует взвесить. Даже об акулах подумал не успел. Я выпустил весло из рук, закрыл глаза и бросился в воду.
- Холодная вода меня приободрила. Берег скрылся из виду. Нырнув в море, я тут же сообразил, что совершил две ошибки: не снял рубашку и не завязал потуже шнурки на ботинках; я попытался удержаться на воде и перво-наперво занялся тем, что снял рубашку и крепко завязал ее узлом на поясе. Потом потуже затянул шнурки. И только тогда поплыл. Сначала плыл, не щадя сил. Затем спокойней, ведь я с каждым взмахом слабел, а земля не приближалась.
- Не проплыл я и пяти метров, как у меня порвалась цепочка с образком Девы Марии дель Кармель. Я приостановился. В последний момент мне удалось выудить образок из зеленого водоворота. Прятать его в карман было некогда, поэтому я взял цепочку в зубы и поплыл дальше.
- Силы меня покидали, а суша все не показывалась. Снова шевельнулся страх: наверное, даже наверняка земля была галлюцинацией! В холодной воде мне полечало, я немного взбодрился и теперь плыл из последних сил к призрачному берегу. Я уплыл уже далеко. Возвращаться на поиски плота было бессмысленно.
- **Я ВОСКРЕСАЮ В НЕВЕДОМЫХ КРАЯХ**
- Только через пятнадцать минут безумного напряжения я продвинулся настолько, что начал различать землю. До нее оставалось еще больше километра. Но теперь я хотя бы не сомневался в ее реальности. Солнце золотило верхушки кокосовых пальм. На берегу не горело ни огонька. Я не видел ни селений, ни даже отдельных домишек. Но это была земля!
- Через двадцать минут я уже вымотался, но не сомневался, что доплыву. Я был обнадежен, однако старался не потерять самообладания под натиском обуревавших меня чувств. Я провел в воде полжизни, однако именно тогда, утром девятого марта, по-настоящему понял и оценил, как важно быть хорошим пловцом. И по мере моего приближения силуэты кокосовых пальм становились все отчетливей.
- Когда я решил, что, пожалуй, смогу достать до дна, солнце уже взошло. Я попытался встать на ноги, но оказалось еще слишком глубоко. Судя по всему, склон был обрывистый. Даже у берега вода оставалась глубокой, так что пришлось по-прежнему добираться вплавь. Точно сказать, сколько времени я плыл, я не могу. Помню только, что солнце припекало все сильнее, однако не жгло кожу, а, наоборот, бодрило меня. Очутившись в холодной воде, я сперва опасался судорог. Но быстро разогрелся. Потом вода опять потеплела, и я плыл с трудом, как в тумане. Но воодушевление и вера помогли мне побороть голод и жажду.
- Отчетливо видя в свете утреннего теплого солнца буйные заросли, я попробовал достать до дна во второй раз. И ощутил под ногами землю. Странно испытывать ощущение, когда после десяти дней морских скитаний вдруг ступаешь на землю...
- Однако скоро я убедился, что худшее еще впереди. Я совершенно изнемог, не держался на ногах. А прибор упорно пытался утащить меня обратно. В зубах я сжимал образок Девы Марии. Одежда и каучуковые ботинки весили целую тонну. Но даже в такой кошмарной ситуации я не лишился стыда. Ведь вполне вероятно, через пару минут мне повстречаются люди! Поэтому я продолжал бороться с прибором, не снимая одежды, хотя она мешала мне двигаться и я чувствовал, что вот-вот от усталости потеряю сознание.
- Вода была мне по грудь. Я сделал еще один отчаянный рывок, и она стала почти до колен. Тогда я решил передвигаться ползком, встал на четвереньки и пополз вперед. Но тщетно! Волны оттаскивали меня назад. Мелкий, колкий песок ободрал мое больное колено. Я знал, что оно опять закровоточило, но в тот момент не ощущал боли. Кожа на подушечках пальцев была содрана до мяса. Вдобавок песок забивался мне под ногти и это тоже причиняло боль, однако я все равно впился пальцами в землю и пополз вперед. Внезапно берег и позолоченные солцане кокосовые пальмы поплыли у меня перед глазами. Какой кошмар! Неужели я попал в зыбучие пески и меня поглотит земля?!
- На самом же деле у меня просто закружилась голова от слабости. От страха при мысли о зыбучих песках я ощутил невероятный прилив сил и, преодолевая боль, не щадя ободранных рук, пополз наперекор волнам. А десять минут спустя пережитые страдания, голод и жажда разом дали о себе знать. На последнем издыхании я рухнул на твердую влажную землю и лежал, ни о чем не думая, никого не благодаря и даже не радуясь тому, что моя воля, надежда и неистребимая жажда жизни привели меня на этот тихий незнакомый берег.
- **СЛЕДЫ ЧЕЛОВЕКА**
- Тишина — вот что поражает прежде всего, когда ступаешь на землю. Еще не разобравшись, что к чему, ты оказываешься в царстве тишины. Потом через мгновение до тебя доносится далекий, грустный рокот прибоя. А еще чуть погодя шепот ветра в кроках кокосовых пальм вселяет в тебя уверенность в том, что ты очутился на суше. И что ты спасен, пусть даже не знаешь, в какой уголок земного шара забросила тебя судьба.
- Придя в себя, но еще не поднимаясь на ноги, я посмотрел по сторонам. Меня окружала дикая, девственная природа. Я инстинктивно принялся искать следы человека и разглядел метрах в двадцати колючую проволоку, огораживавшую какой-то участок. А еще заметил узкую извилистую тропку, по которой, судя по следам копыт, гоняли скот. Рядом валялась скорлупа расколотых кокосовых орехов. В тот момент малейшие признаки обитаемости данной местности были для меня поистине Божественным откровением. Я был безмерно счастлив и, прижавшись щекой к влажному песку, выжидающе замер.
- Я прождал минут десять. Силы мало-помалу возвращались. Было начало шестого утра, уже совсем рассвело. Я заметил у тропинки среди расколотых пустых орехов несколько целых, подполз к ним, сел, привалившись к стволу дерева, и зажал коленями гладкий непроницаемый плод. Пять дней назад я старательно искал «уязвимые места» у рыбы, теперь точно так же обращался с кокосом. Я вертел его в руках. Внутри плескалось молоко. Это тихое бульканье вызвало у меня новый приступ жажды. Желудок болел, рана на коленке кровоточила, ободранные пальцы ныли. За все десять дней, проведенных в море, у меня ни разу не возникло ощущение, что я вот-вот сойду с ума. Но этим утром, когда я вертел в руках кокос, пытаюсь его расколоть, а под кожей плескалась свежая, чистая, недосыгаемая жидкость, такое чувство возникло.
- Наверху у кокоса есть три глазка, расположенных в виде треугольника. Но для того, чтобы их обнаружить, нужно мачете. А в моем распоряжении были только ключи. Я несколько раз пытался взрезать ими твердую шероховатую кожуру, но в конце концов сдался и с яростью отшвырнул кокос подальше, не в силах слушать, как внутри его булькает молоко.
- Я возлагал последние надежды на дорогу. Судя по валявшимся там кускам скорлупы, кто-то приходил сюда сбивать орехи. Приходил каждый день, забирался на пальму, а потом очищал кокосы от скорлупы. Значит, поблизости есть жильё, не будут же люди таскаться за кокосами за тридевять земель!
- Пока я размышлял об этом, привалившись к дереву, вдалеке раздался собачий лай. Я встрепетнулся и через секунду отчетливо различил металлическое позвякивание: какой-то человек шел по дороге в мою сторону. Этим человеком оказалась молодая негритянка, тощая-претощая, во всем белом. Она несла алюминиевую кастрюлю с плохом прилежавшей крышкой, которая звякала на каждом шагу.
- Я пытался понять, куда меня занесло. Приближавшаяся женщина была похожа на жительницу Ямайки, Сан-Андреса, Провиденсии или каких-нибудь других Антильских островов. Встреча с ней была моим первым шансом на спасение и, вполне вероятно, последним.
- «Интересно, она понимает по-испански?» — гадал я, а женщина, еще не замечая меня, рассеянно шаркала по дороге пыльными кожаными шлепанцами. Я настолько боялся упустить свой шанс, что у меня мелькнула нелепая мысль: вдруг, если я заговорю по-испански, негритянка меня не поймет и уйдет, а я опять останусь в одиночестве?
- — Hallo, hallo!¹ — отчаянно завопил я. Негритянка вздрогнула и уставилась на меня огромными, побелевшими от испуга глазами.
- — Help me!² — продолжал я орать, не сомневаясь в том, что она меня понимает.

- Негритянка боязливо посмотрела по сторонам и кинулась наутек.

- 1 Привет! (англ.)
2 Помогите мне! (англ.)

- **МУЖЧИНА, ОСЕЛ И СОБАКА**

- Я почувствовал, что сейчас умру от горя. Был момент, когда я даже увидел себя со стороны: я лежу мертвый и ястребы клюют мое тело. Но потом опять услышал собачий лай, который становился все ближе и ближе. Чем громче лаяла собака, тем бешеней стучало у меня сердце. Я оперся ладонями о землю и привстал. Поднял голову. Подождал минуту... две... Лай приближался. Потом вдруг воцарилась тишина. Потом послышались шум прибоя и шорох ветра в верхушках кокосовых пальм. Потом, через минуту, самую долгую в моей жизни, появился тощий пес, а за ним осел с двумя корзинами на спине. Позади осла шел мужчина, светлокожий, незагорелый, в тростниковом сомбреро и закатанных до колен штанах. За спиной у него болталось ружье.

- Вынырнув из-за поворота, он замер и изумленно воззрился на меня. Собака же, подняв хвост, подошла и обнюхала меня со всех сторон. Мужчина стоял молча, неподвижно. Потом снял ружье, уперся прикладом в землю и снова принялся меня разглядывать.

- Не знаю почему, но мне не пришло в голову, что я мог очутиться в Колумбии, и сомневался, что он меня поймет, однако все же решил заговорить с ним по-испански:

- — Сеньор, помогите!

- Мужчина ответил не сразу. Опираясь на ружье, он еще долго и загадочно смотрел на меня немигающим взглядом.

- «Не хватало только, чтобы он меня пристрелил», — бесстрастно подумал я.

- Собака лизала меня в лицо, а у меня не было сил отогнать ее.

- — Помогите! — в отчаянии повторил я, думая, что мужчина меня не понимает.

- — А что с вами? — вежливо поинтересовался он. Услышав его голос, я понял, что больше всего на свете мне хочется рассказать о моих злоключениях. Это было даже сильнее жажды, голода и отчаяния. Даваясь словами, я выпалил:

- — Я Луис Алехандро Веласко, один из моряков, которые двадцать восьмого февраля упали с эсминца «Кальдас».

- Я считал, что об этом проститствии знает весь мир. Думал, стоит представиться — и мужчина тут же кинется мне на помощь. Однако он не шелохнулся и бесстрастно смотрел на меня, даже не пытаясь остановить собаку, которая лизала мое больное колено.

- — Вы с куровозки? — спросил он меня, подразумевая, очевидно, каботажное судно, перевозящее свиней и домашнюю птицу.

- — Нет. Я с военного корабля.

- Только тут мужчина зашевелился. Он вновь закинул ружье на спину, сдвинул сомбреро на затылок и сказал:

- — Ладно, сейчас отвезу на пристань проволоку и вернусь за вами.

- У меня из-под носа уплывала вторая надежда на спасение.

- — Вы правда вернетесь? — умоляюще спросил я.

- — Правда, — ответил мужчина, приветливо улыбнулся и двинулся вслед за ослом дальше по дороге. Собака же осталась меня донюхивать.

- Когда я сообразил, что надо спросить, мужчина отошел уже на порядочное расстояние, и мне пришлось почти прокричать ему вслед:

- — А какая это страна?

- И он с потрясающей непринужденностью произнес то единственное слово, которое я меньше всего ожидал от него услышать:

- — Колумбия.

- **ШЕСТЬСОТ МУЖЧИН ПРОВОЖАЮТ МЕНЯ В САН-ХУАН**

- Он сдержал свое обещание — вернулся. Я даже встревожиться не успел, ведь не прошло и пятнадцати минут, а он уже возвратился вместе с ослом, порожними корзинами и молоденькой негритянкой. Как впоследствии выяснилось, она была его женой. Пес не отходил от меня ни на шаг. Он уже перестал лизать мне лицо и раны. И обнюхивать тоже перестал, а улегся рядом и лежал не шевелясь — дремал, пока не завидел приближавшегося осла. А как только заметил, вскочил и завилал хвостом.

- — Вы можете идти? — спросил мужчина.

- — Сейчас посмотрим.— Я попытался встать, но ноги подкосились.

- — Не может,— откликнулся мужчина, не давая мне упасть.

- Они с женой посадили меня на осла и, поддерживая под руки, пошли, подгоняя его. Собака вприпрыжку бежала за нами.

- Вдоль дороги росли кокосы. В море я еще кое-как терпел жажду. Но тут, проезжая верхом на осле по узкой извилистой дороге, обсаженной кокосовыми пальмами, я почувствовал, что не могу больше вынести ни минуты, и попросил кокосового молока.

- — У меня нет мачете, — ответил мужчина.

- Но он обманывал. Мачете висело у него за поясом. Если бы в тот момент я мог за себя постоять, я бы силой отобрал у него мачете, очистил бы кокосовый орех и съел его целиком.

- Позже я узнал, почему мужчина отказался дать мне кокосового молока. Оказывается, он сходил в хижину, расположенную в двух километрах от того места, где лежал я, переговорил с людьми и они предупредили его, чтобы он ничего не давал мне есть, пока меня не осмотрит врач. А ближайший врач жил в двух днях пути, в местечке Сан-Хуан-де-Ураба.

- Не прошло и получаса, как мы добрались до дома, стоявшего у дороги. Там нас встретили трое мужчин и две женщины. Они сообща помогли мне слезть с осла, отвели в комнату и положили на кровать. Одна из женщин пошла на кухню, принесла кастрюльку с настоем корицы и, присев на край кровати, принялась поить меня с ложечки. Первая ложка привела меня в отчаяние. Зато вторая приободрила. Пить мне больше не хотелось, а хотелось рассказывать о том, что со мной стряслось. О происшедшем тут никто ничего не знал. Я попытался объяснить, подробно рассказать, как мне удалось спастись. По моему мнению, весь мир должен был знать о катастрофе. Однако меня постигло разочарование... А женщина все поила меня с ложечки, словно больного ребенка.

- Я несколько раз заговаривал о моих приключениях. Стоя в ногах кровати, четверо мужчин и две женщины смотрели совершенно невозмутимо. Это напоминало какую-то ритуальную церемонию. Не будь я так рад своему спасению от акул и от бесчисленных опасностей, которые на протяжении десяти дней подстерегали меня в море, я бы решил, что эти люди — инопланетяне.

- Женщина, отпаивавшая меня настоем корицы, была олицетворением любезности. Стоило мне заикнуться о моих скитаниях, как она говорила:

- — Пока помолчите, потом расскажете.

- Я сплал бы все, что только можно. Из кухни в комнату доносились аппетитные запахи готовившейся пищи. Но все мои мольбы оказались напрасными.

- — Мы дадим вам поесть, когда вас осмотрит врач,— раздавалось в ответ.

- А врач не приходил. Каждые десять минут мне давали с ложечки подслащенную воду. Самая юная женщина, почти девочка, обмыла мне раны тряпками, намоченными в теплой воде. Время шло еле-еле. Постепенно мне становилось лучше. Я был уверен, что нахожусь среди друзей. Если бы вместо подслащенной воды мне дали поесть, мой организм не вынес бы такой встряски.

- Мужчину, который нашел меня на дороге, звали Дамасо Имитела. В десять часов утра 9 марта, то есть в тот же день, когда я выбрался на берег, он отправился в соседнее селение Мулатос и вернулся домой с полицейскими. Они также не слышали о трагедии в море. В Мулатосе о ней не знал никто. Газеты туда не доходят. В одной из лавчонок установлен электрогенератор, есть радиоприемник и холодильник. Однако новости там не слушают. Как потом выяснилось, когда Дамасо Имитела сообщил инспектору, что нашел меня полумертвого на берегу и что я якобы служил на эсминце «Кальдас», полицейские запустили движок и весь день просидели перед радиоприемником, слушая новости из Картахены. Но говорить о катастрофе к тому времени уже прекратили. Только ранним вечером промелькнуло короткое сообщение. И тогда инспектор, полицейские и шестьсот жителей Мулатоса ринулись мне помогать. Вскоре после полуночи они нагрянули в дом Дамасо и разбудили меня своими разговорами. А мне как нарочно впервые за двенадцать дней удалось забыться спокойным сном! Под

утро дом был набит битком. Весь Мулатос: мужчины, женщины, дети — явился на меня полюбоваться. Это было мое первое столкновение с толпой зевак, которые потом ходили за мной по пятам. Толпа была оснащена керосиновыми лампами и электрическими фонариками. Когда инспектор и моя свита начали вытаскивать меня из кровати, моя опаленная солнцем кожа затрещала по швам. Они устроили у постели настоящую кучу-малу.

- Было жарко. Я задыхался в гуще моих защитников. Стоило появиться на дороге, как в лицо мне ударил свет множества ламп и фонарей. Я на мгновение ослеп. Все вокруг перешептывались, а инспектор полиции громко отдавал приказания. Упав с эсминца, я только и делал, что путешествовал в неизвестном направлении. В то утро я тоже отправился Бог знает куда, не имея ни малейшего понятия о том, какую участь мне уготовила толпа приветливых хлопотунов.
- Дорога от места, где меня обнаружили, до Мулатоса — долгая и утомительная. Меня уложили в гамак, висевший на двух палках. За каждый конец взялось по двое мужчин, которые понесли меня по длинной узкой тропинке, освещая путь керосиновыми лампами. Мы шли под открытым небом, но жара стояла такая, словно мы сидели в закрытом помещении.
- Каждые полчаса восемь носильщиков менялись. Тогда мне давали глоток воды и кусочек содового печенья. Мне хотелось выяснить, куда и зачем меня несут. Разговоры ходили всякие. Болтали все, кроме меня. Инспектор, вставший во главе толпы, не подпускал ко мне никого. Вдалеке слышались крики, приказания, разные возгласы. Когда мы дошли до длинной улочки, пересекающей Мулатос, толпа разрослась настолько, что полицейские уже не могли ее сдерживать. Было часов восемь утра.
- Мулатос — рыбацкий поселок. Почты там нет. Ближайший населенный пункт — Сан-Хуан-де-Ураба, два раза в неделю туда прилетает «кукурузник» из Монте-риа. Когда мы добрались до Мулатоса, я думал, что мы у цели. Наверно, тут знают о моих близких... Но Мулатос оказался лишь перевалочным пунктом, располагавшимся примерно на полпути до Сан-Хуана.
- Я был помещен в какой-то дом, и народ становился в очередь, чтобы поглазеть на меня. А я вспоминал факира, которого за пятьдесят сентаво видел два года назад в Боготе. Желаящим на него взглянуть приходилось отстоять несколько часов в огромной очереди, которая за пятнадцать минут продвигалась вперед всего на полметра. Когда зевака доходил до комнаты, где в стеклянном ящике сидел факир, ему уже было не до факира. Бедняге хотелось пробкой вылететь за дверь, размять ноги и вдохнуть глоток свежего воздуха.
- Единственная разница между факиром и мной заключалась в том, что факир сидел в стеклянном ящике. А так все было одинаково. Факир не ел девять дней. Я же провел десять голодных дней в море и еще один провалялся на кровати в Мулатосе. Передо мной мелькали лица. Белые и черные, бесконечная вереница лиц. Жара стояла кошмарная. А я уже оправился настолько, что у меня даже появилось чувство юмора. Поэтому я думал, что в дверях вполне можно было бы продавать билеты желающим поглазеть на жертву кораблекрушения.
- В том же самом гамаке, в котором меня принесли в Мулатос, я отправился и в Сан-Хуан-де-Ураба. Но мой эскорт увеличился. Теперь за мной шествовало не меньше шестисот мужчин. А кроме них еще женщины, дети и животные. Кое-кто ехал верхом на осле, но большинство шло пешком. Переход занял почти весь день. Путешествуя на плечах толпы — то есть на плечах шестисот мужчин, которые несли меня, сменяя друг друга,— я постепенно набирался сил. Мулатос, подозреваю, опустел. Спозаранку включили электрогенератор и радио, и музыка гремела на всю округу. Это напоминало ярмарку. А я, виновник торжества, возлежал на кровати, мимо которой продефилировал, любуясь на меня, весь поселок. Ну а потом жители не захотели отпускать меня одного и отправились со мной в Сан-Хуан-де-Ураба. Караван получился гигантский, на узкой извилистой дороге было настоящее столпотворение.
- Во время путешествия я продолжал мучиться от голода и жажды. Кусочки содового печенья и малюсенькие глоточки воды немного приободрили меня, но аппетит мой разыгрался не на шутку. Въезд в Сан-Хуан напоминал народные празднества. Все жители маленького живописного селения, продаваемого морскими ветрами, высыпали мне навстречу. На сей раз были приняты меры, чтобы оградить меня от зевак. Полиции удалось сдерживать толпу, запрудившую улицы.
- Так окончилось мое путешествие. Доктор Умберто Гомес, первый врач, который меня осмотрел, сообщил мне великую весть. Он приберег ее напоследок, желая сначала удостовериться, что я в состоянии ее вынести. Потрепав меня по щеке и приветливо улыбнувшись, он заявил: — Вы сейчас отправитесь на самолете в Картахену. Там вас ожидают родные.
- **МОЙ ГЕРОИЗМ ПРОЯВИЛСЯ В ТОМ, ЧТО Я НЕ УМЕР**
- Вот уж не подозревал, что можно стать героем только потому, что проторчишь десять дней на плоту, терпя муки голода и жажды. Хотя, если разобраться, у меня ведь просто не было другого выхода! Окажись на плоту запас воды, галеты, компас и рыболовные снасти, я тоже был бы сейчас жив, но меня не считали бы героем. Следовательно, мой героизм проявился исключительно в том, что я за десять дней не помер от голода и жажды.
- Я совершенно не стремился стать героем. Я старался лишь спасти свою жизнь. Но коли уж судьба подсунула мне такую конфетку с сюрпризом, окружив мое спасение ореолом героизма, мне приходится с этим героически мириться.
- Меня спрашивают, каково чувствовать себя героем. Ей-богу, не знаю, что отвечать на подобные вопросы! Я лично чувствую себя как прежде. Я не изменился ни внешне, ни внутренне. Солнечные ожоги прошли, шрам на колене зарубцевался. Я прежний Луис Алехандро Веласко и на большее не претендую.
- А вот люди вокруг — те изменились. Друзья полюбили меня еще сильнее, а враги, наверное, еще сильнее возненавидели. Хотя, по-моему, у меня нет врагов. Когда меня узнают на улице, то глазеют как на диковинную зверушку. Поэтому я решил ходить в штатском, пока люди не позабудут о том, что я пробыл десять дней на плоту без воды и пищи.
- Первое, что ощущаешь, став важной персоной,— это что люди обожают слушать твои рассказы. Они готовы внимать тебе когда угодно и где угодно. Я понял
- это в военно-морском госпитале в Картахене, где ко мне специально приставили охранника, чтобы со мной нельзя было поговорить. Я знал, что, выйдя из больницы, должен буду поведать о случившемся всему свету, ведь, по словам охраны, в Картахену съехались журналисты со всей страны и все они жаждали написать обо мне и опубликовать мои фотографии. Один из газетчиков, обладатель шикарных двадцатисантиметровых усов, сфотографировал меня пятьдесят с лишним раз, но расспросить меня ему так и не позволили. Другой оказался побойчее. Он переоделся врачом, обманул охранника и пробрался ко мне в палату. В результате парень добился шумного и вполне заслуженного успеха, хотя ради этого ему пришлось прибегнуть ко лжи.
- **ИСТОРИЯ ОДНОГО РЕПОРТАЖА**
- Ко мне в палату допускали только моего отца, охранников, врачей и санитаров военного госпиталя. Но однажды туда явился врач, которого я прежде не видел. Совсем юный, в белом халате, очках и с фонендоскопом на шее. Он ворвался внезапно, не говоря ни слова.
- Дежурный унтер-офицер растерянно уставился на него и попросил документы. Пошарив по карманам, юный врач сказал, что он их забыл. Унтер-офицер заявил, что без специального разрешения администрации разговаривать со мной запрещено, и они отправились к начальству. Через десять минут оба вернулись в палату.
- Дежурный унтер-офицер вошел первым и предупредил меня, что врачу разрешили произвести пятнадцатиминутный осмотр.
- — Он выдает себя за психиатра из Боготы, но, по-моему, это переодетый репортер,— добавил унтер-офицер.
- — Почему вы так думаете? — спросил я.
- — Потому что он очень напуган. Да и потом, психиатру фонендоскоп не нужен. Тем не менее посетитель довольно долго беседовал с начальником госпиталя. Разговор шел о медицине вообще и о психиатрии в частности. Они пересыпали свою речь всякими мудренными медицинскими терминами и очень быстро нашли общий язык. Поэтому юноше разрешили поговорить со мной пятнадцать минут.
- Не знаю, может, на меня так подействовало предупреждение унтер-офицера, но я сразу же, едва молодой человек вернулся в мою палату, решил, что на врача он не похож. Впрочем, на репортера он тоже не был похож, хотя я до этого никогда не видел репортеров. Скорее он смахивал на священника, переодетого врачом. Мне показалось, юноша не знал, с чего начать. На самом же деле он обдумывал, как удалиться из палаты дежурного унтер-офицера.
- — Пожалуйста, раздобудьте мне бумаги, — наконец попросил врач.
- Он, видно, рассчитывал, что дежурный отправится за ней в контору. Но тому приказали не оставлять меня одного. Поэтому за бумагой он не пошел, а, выглянув в коридор, крикнул:
- — Эй, принесите-ка писчей бумаги! Живо! Спустя мгновение бумага была в палате. Прошло
- уже больше пяти минут, а врач не задал мне еще ни одного вопроса. Только получил бумагу, он начал осмотр: протянул мне листок и попросил нарисовать корабль. Я нарисовал. Тогда он попросил поставить под рисунком подпись. Я поставил. Затем пришлось, по его

просьбе, нарисовать деревенский дом. Я постарался нарисовать как можно лучше, а рядом изобразил банановое дерево. Он опять попросил подписаться. Тут уж я окончательно убедился, что передо мной переодетый репортер. Но он уверял, что он врач.

- Когда я кончил рисовать, молодой человек посмотрел на листки, что-то промямлил и начал расспрашивать меня о моих приключениях. Дежурный унтер-офицер перебил его, напомнив, что такие вопросы задавать не положено. Тогда врач осмотрел меня, как обычно осматривают больных. Руки у него были ледяные. Если бы дежурный их потрогал, он бы вышвырнул самозванца вон. Но я промолчал: очень уж меня подкупило волнение этого юнца и то, что он, наверное, журналист. Пятнадцать минут, отведенные для разговора, еще не истекли, а он уже пулей вылетел из палаты, прихватив с собой рисунки.
- Ну и переполох поднялся на следующий день! Рисунки, снабженные стрелками и подписями, появились на первой полосе газеты «Эль Тьемпо».
- «Я стоял здесь» — гласила надпись, а стрелка указывала на капитанский мостик. Это была неправда, потому что я стоял не на мостике, а на корме. Но рисунки были мои.
- Меня подговаривали написать опровержение, потребовать восстановления истины, но мне это показалось нелепостью. Я был в восторге от репортера, который прикинулся врачом, чтобы проникнуть в военный госпиталь. Если бы он мне тогда открылся, я бы наверняка придумал, как удалить из палаты дежурного унтер-офицера. Ведь, по правде говоря, мне в тот день уже разрешили рассказывать о моих приключениях.
- **ДОХОДНАЯ ИСТОРИЯ**
- Эпизод с репортером, переодетым врачом, весьма наглядно продемонстрировал мне, как велик интерес газетчиков к истории моего десятидневного пребывания в море. Она интересовала буквально всех. Мои друзья и те частенько просили ее повторить. Когда я, поправившись, прилетел в Боготу, моя жизнь круто изменилась. На аэродроме меня встретили честь по чести. Президент республики вручил мне орден и похвалил за геройство. В тот же день я узнал, что остаюсь на военной службе да еще меня повысят в звании. Кроме того, меня поджидал сюрприз — предложения рекламных агентов. Я был очень доволен своими часами, которые верой и правдой служили мне во время морских скитаний. Но не подозревал, что фирме-изготовителю будет от этого какой-то прок. Однако они дали мне пятьсот долларов и новые часы. А за то, что я пожевал резинку определенной марки и разрекламировал ее, мне дали аж тысячу долларов! По воле судьбы фирма, изготовившая мои ботинки, отвалила мне за рекламу ее товара целых две тысячи. За разрешение передавать мою историю по радио я получил пять тысяч. Разве мог я подумать, что стоит помучиться от голода в море десять дней — и получишь такой доход?! Однако факт остается фактом: за последнее время я получил почти десять тысяч песо. Однако повторить свои злоключения не согласился бы даже за миллион.
- Жизнь ваш герой ведет самую обычную. Я встаю в десять утра. Иду в кафе поболтать с друзьями или в какое-нибудь агентство, изобретающее на основе моей одиссеи многочисленные рекламные объявления. Почти каждый день хожу в кино. Но имя моей спутницы сообщить не могу. Это единственное, что останется за рамками рассказа как не относящееся к делу.
- Я все время получаю письма из разных мест. Мне пишут незнакомые люди. Из Перейры пришла длинная поэма о плотках и чайках с инициалами «Х. В. К.» вместо подписи. Мэри Эдресс, заказавшая по мне панихиду, когда я дрейфовал в Карибском море, пишет мне очень часто. Она прислала фотографию с дарственной подписью, читатели ее уже видели.
- Я рассказывал мою историю по радио и телевидению. Рассказывал друзьям. Еще поведал ее одной старушке-вдове, у которой есть пухлый альбом с фотографиями, когда она позвала меня в гости. Кое-кто говорит, что я все это выдумал. А я в ответ спрашиваю:
 - — Тогда что, по-вашему, я делал десять дней в море?
 -